

ОЧЕРК ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ^{*)}

Аннотация: Представленный очерк знакомит читателя с теорией и методологией библейского перевода. Он пытается ответить на вопрос – на чем основывать переводческую теорию? Должна ли она быть в основе своей лингвистической, антропологической, культурологической или богословской? Должна ли она сочетать эти подходы и если должна, то каким образом? Автор показывает, что за последние полвека были предложены достаточно разные подходы к этой проблеме. Появились различные теоретические модели, описывающие библейский перевод и позволяющие создавать продуктивные методические рекомендации. Статья освещает разные теории по мере их появления и дает критический анализ каждой из них, показывая их сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: *перевод Библии, динамический эквивалент, функциональный эквивалент, релевантность, скопос, сознательная дословность.*

Title: OUTLINE OF BIBLE TRANSLATION THEORY

Abstract: The essay introduces the reader into the theory and methodology of Bible translation. The author is trying to address the question – on what foundation should the translation theory rest? Should it be fundamentally linguistic, anthropological, cultural, or theological? Or should it combine these approaches, and if so, how? The author shows that over the last half century, scholars have proposed different approaches to this problem. Various theoretical models of Bible translation have emerged, and these have been converted into productive guidelines for Bible translators. The article describes various theories as they emerge and provides a critique showing their strengths and weaknesses.

Keywords: *Bible translation, dynamic equivalent, functional equivalent, relevance, skopos, essentially literal translation.*

Андрей Сергеевич Десницкий, библеист, переводчик, писатель, доктор филологических наук (2010), профессор РАН (Москва, 2016).

*) Данная публикация подготовлена на основании переработанного и сокращенного текста главы «Развитие теории» из книги А. С. Десницкий, Современный библейский перевод: теория и методология (М: ПСТГУ, 2015). Данная переработанная версия согласована с автором. Знаком многоточия в квадратных скобках [...] обозначены купюры в авторском тексте.

Переводить, казалось бы, просто, если знаешь два языка. Многие переводчики работают безо всякой теории, и вполне успешно. Но как только заходит речь об оценке перевода, нам приходится прибегать к теории — или разговор неизбежно сведется к субъективным оценкам «а вот мне (не) нравится», и едва ли можно объяснить, почему.

Тем более необходимо бывает теоретическое основание для подготовки новых переводчиков и для организации серьезных переводческих проектов, для выработки методических рекомендаций.

Да, но на чем основать такую теорию? Должна ли она быть в основе своей лингвистической, антропологической, культурологической или богословской, а может быть, должна сочетать эти подходы — и тогда каким образом? За последние полвека предлагались достаточно разные подходы к этой проблеме.

Речь пойдет о различных теоретических моделях, описывающих библейский перевод и позволяющих создавать продуктивные методические рекомендации. При этом разные теории будут представлены именно так, как они появлялись — в развитии, а зачастую и в споре друг с другом.

От Цицерона до наших дней

◆ Мы не будем здесь сколь-нибудь подробно говорить о теории и практике перевода от античности и вплоть до середины XX века включительно, тем более, что об этом на русском языке написано уже немало¹. [...]

Прежде всего стоит упомянуть Цицерона и Горация², согласных в одном: мастера переводят смысл текста, неумелые ремесленники — букву. Позднее величайший библейский переводчик и тоже римлянин, Иероним Стридонский определил эти два подхода соответственно как *слово за слово* (*verbum e verbo*) и *смысл от смысла* (*sensum de senso*)³. Первый подход приличествовал текстам, где, по словам Иеронима, «самый порядок слов есть таинство» (*et verborum ordo mysterium est*), то есть текстам священным и текстам юридическим, требовавшим дословной точности во избежание кривотолков. В то же время для литературных текстов за лучшее признавался второй подход, он свидетельствовал прежде всего о мастерстве самого переводчика и о его глубоком проникновении в смысл оригинала. Впрочем, тот же Иероним настаивал в другом послании⁴, что при переводе Писания важно передавать смысл, а не букву — следовательно, уже в те времена было представление о разных методах перевода, каждый из которых уместен для определенной цели.

На самом деле, с тех пор и до середины XX в. теоретики перевода вполне следовали идеям Цицерона и Иеронима, да и сегодня обычно ситуацию опи-

¹ См., прежде всего, Николай Константинович Гарбовский, *Теория Перевода* (Москва: МГУ, 2004); Л.Л. Нелюбин and Г.Т. Хухуни, *Наука о Переводe: История и Теория с Древнейших Времен До наших Дней*. (Москва: Флинта, 2006).

² Цицерон — *De finibus*, 3.15; Гораций — *Ars Poetica*, 133.

³ 57-е послание к Паммахию, также см. Sebastian Brock, 'Aspects of the Translation Technique in Antiquity', *Greek, Roman and Byzantine Studies* 20 (1979): 69.

⁴ 53-е послание к Паммахию, также см. Philip A. Noss, ed., *A History of Bible Translation* (Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007): 88.

сывают именно так: неумелый переводчик начинает с переводов совершенно дословных и лишь по мере приобретения мастерства начинает переводить идиоматически и литературно, а значит — более свободно. Однако и в этом случае он может предпочесть перевод достаточно буквальный, чтобы передать в точности некие черты оригинала. Но чем определяется его выбор? Где именно «самый порядок слов есть таинство»? [...]

В новое время первым, кто заговорил разных подходах к переводу, стал в начале XIX в. Фридрих Шлейермахер⁵. Для него существуют две принципиальных переводческих стратегии: приручение и отчуждение. При первом подходе текст приручается, одомашнивается, вводится в круг понятия читателя. При втором, напротив, дистанция сохраняется, текст остается для читателя чужим. [...]

Здесь названы только некоторые из характерных высказываний и подходов, которые повторяются с вариациями на протяжении последних двух тысяч лет: переводчик может стремиться к дословности (буквализму, отчуждению) или к литературности (идиоматичности, приручению), второй способ облегчает понимание, но при обращении к авторитетным и в особенности священным текстам переводчик часто выбирает первый, осознавая свою ответственность и недостойность.

К середине XX века этих общих слов было уже недостаточно. В 1960-х гг. чешский ученый Иржи Левый начал свою книгу о теории перевода следующим утверждением: «Литература о переводе только частью рассматривает перевод в теоретической плоскости; авторы большинства книг и статей, в особенности о художественном переводе, до последнего времени оставались в пределах эмпирических наблюдений либо эссеистических афоризмов»⁶. Требовалась некая стройная и логичная теория, которая объяснила бы разницу между этими двумя подходами и предложила бы какое-то решение, которому переводчики могли бы следовать на практике. [...]

ОТ ДИНАМИЧЕСКОГО ЭКВИВАЛЕНТА К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ

Найда и Тэйбер: динамический эквивалент

◆ Революция в переводческой теории связана с именем Юджина Найды, развившем некоторые из предложенных Левым идеи, а главное, показавшим, как можно применять их при переводе Библии на языки народов, чья культура очень не похожа на библейскую. В 1964 г. он опубликовал книгу под названием “К науке перевода”⁷, которая содержала в основном теоретические предпосылки для создания общей теории перевода, учитывающей достижения гуманитарных наук середины XX в., в первую очередь, линг-

⁵ Friedrich Schleiermacher, ‘Ueber Die Verschiedenen Methoden Des Uebersetzens’, in *Friedrich Schleiermacher’s Sämmtliche Werke. 3. Abtheilung: Zur Philosophie. Bd. 2.* (Berlin, 1838), 207–45.

⁶ Иржи Левый, *Искусство Перевода* (Москва: Прогресс, 1974): 27.

⁷ Eugene Nida, *Toward a Science of Translating* (Leiden: Brill, 1964).

вистики, семиотики, антропологии. Вполне в духе теоретиков и практиков перевода от Цицерона и до Левого, Найда говорил о двух видах перевода, называя их формальным (formal) и динамическим (dynamic)⁸, причем его симпатии были целиком на стороне последнего.

Ключевым понятием для динамического перевода становилась у него трансформация (transformation) или перенос (transfer), т.е. многоуровневое переструктурирование текста в соответствии с потребностями языка перевода. Чем больше изменилось в тексте перевода в сравнении с буквальным подстрочником, тем глубже трансформация, и, если она способствовала верной передаче смысла, тем лучше этот перевод. Вообще сам процесс перевода понимается у Найды как адекватная передача значения (meaning) средствами другого языка – тоже вполне в духе Цицерона. При этом оно не сводится к некоторому объему фактической информации: Найда отмечает, что текст может иметь и эмоциональное значение, которое тоже должно быть передано при адекватном переводе. [...]

Что же касается алгоритмов, некоторые из них были предложены в книге “Теория и практика перевода”, изданной Найдой совместно с Чарльзом Тэйбером в 1969 г.⁹ Она начинается со следующего утверждения: «Один специалист по устному и письменному переводу в области самолетостроения сообщил, что в своей работе он не посмел применить принципы, которым зачастую следуют библейские переводчики. “У нас, – сказал он, – полное понимание есть вопрос жизни и смерти”. К сожалению, переводчики религиозной литературы порой не испытывают такого же стремления к ясности выражений»¹⁰.

Казалось бы, общий принцип вполне понятен: перевод Библии должен быть настолько же однозначным и доступным, как и перевод технический, к примеру, в области самолетостроения. Однако на самом деле всё несколько сложнее. На той же самой первой странице своей книги Найда и Тэйбер отмечают, что говорить о правильности перевода нелепо, не задавшись вопросом: для кого будет этот перевод правильным? А это уже уводит нас от однозначности технических документов.

Далее мы будем говорить о том, как Найда и Тэйбер предлагают переводить библейские тексты, но само слово ‘текст’ может оказаться не совсем на месте. Они предпочитают говорить о *message*, т.е. ‘сообщении, послании, вести’, которую ученики Христа несут всем народам. В некоторых случаях они говорят даже не о передаче смысла, а о том отклике, который порождает эта весть у аудитории – он должен быть похож на отклик, порожденный оригинальным текстом у изначальной аудитории. Это вполне естественно для книги, написанной прежде всего в контексте христианской миссии, эта установка декларируется на самой первой странице – но сама книга все же говорит не столько о благовестии и откликах аудитории, сколько о переводе библейского текста. [...]

⁸ Nida.:159.

⁹ Eugene Nida and Charles R. Taber, *The Theory and Practice of Translation* (Leiden: Brill, 1969).

¹⁰ Nida and Taber.

Если же говорить об отклике, который вызвали у изначальной аудитории целые тексты, то он нам очевидным образом просто неизвестен. Даже если бы нам было доподлинно известно, какую реакцию вызвало у римских христиан Послание к Римлянам, нам вряд ли удастся ее воспроизвести в общинах, которые живут в совершенно других условиях и сталкиваются с совершенно другими проблемами.

[...]

Авторы заявляют, что их подход отличается принципиальной новизной и сразу перечисляют его основные принципы¹¹:

- «У каждого языка есть свой гений (genius) [особенности]».
- «Для успешного общения надо уважать гений каждого языка».
- «Всё, что сказано на одном языке, может быть сказано и на другом языке, кроме случаев, когда форма есть существенный элемент текста (the form is an essential element of the message)».
- «Чтобы сохранить содержание текста, его форма должна быть изменена».
- «Библейские языки подвержены тем же ограничениям, что и любые другие естественные языки».
- «Авторы библейских книг хотели быть понятыми».
- «Переводчик должен постараться воспроизвести значение отрывка, как его понимал автор».

Авторы признают, что в переводе невозможно добиться полной идентичности и потому используют понятие эквивалентности — наилучшим будет такой перевод, который передаст точный смысл оригинала на языке перевода самым естественным образом, так что он вообще не будет звучать как перевод¹². Именно такая эквивалентность будет считаться динамической, тогда как следование букве оригинала называется у них формальной.

Отсюда вытекает и система приоритетов, которой должен придерживаться переводчик¹³:

- контекстное значение превалирует над дословной точностью;
- динамический эквивалент над формальным;
- нормы устной речи над нормами письменной;
- нужды аудитории над формами языка.

Далее авторы достаточно подробно разбирают, как происходит работа переводчика на различных уровнях языка: грамматическом, лексическом и отчасти даже дискурсном. Авторы следуют трансформационной грамматике

¹¹ Nida and Taber.

¹² Nida and Taber.; одним из их предшественников являлся, как они сами и указывают, М. Лютер, который предъявлял к собственному переводу точно такое же требование. Нельзя при этом не отметить, что на практике Лютер все же поступал не вполне так, как предлагают Найда и Тэйбер.

¹³ Nida and Taber, 32.

Ноама Хомского, бывшей в то время одной из передовых научных теорий. Ее представления о *глубинных структурах*, которые по-разному реализуются в разных языках мира, в наибольшей степени соответствуют их подходу. Грубо говоря, для перевода текста на другой язык необходимо определить глубинную структуру высказывания, как бы перевести его на язык универсальных логических суждений, а потом осуществить его трансформацию в соответствии с правилами языка перевода. С тех пор взгляды Хомского и его последователей в значительной мере эволюционировали, так что уже давно они говорят не о трансформационной, а о *генеративной лингвистике*.

Что касается лексики, то авторы отмечают: слова имеют не только референциальное значение (указывают на предметы и явления окружающего мира), но и значение коннотативное (вызывают некие ассоциации и эмоции). Адекватный перевод должен учитывать и то, и другое.

[...] Хороший перевод, с точки зрения теории динамического эквивалента, это такой перевод, в котором «форма переструктурирована (изменены синтаксис и лексика), чтобы передать точное значение»¹⁴. [...]

Что же мешает переводчику добиваться нужного динамизма в должной мере, что заставляет прибегать к неуклюжим буквализмам? Найда и Тэйбер и здесь предлагают целый список причин. Это¹⁵:

- слишком большая приверженность оригиналу;
- пристрастие к особому «переводческому диалекту»;
- неуверенность в способности родного языка выразить все оттенки смысла;
- желание сохранить языковую таинственность священного текста;
- ложные богословские представления о том, что Библия была продиктована свыше на особом священном языке;
- непонимание природы перевода.

Книга весьма полемична — за своими оппонентами ее авторы практически не признают никаких серьезных доводов. Но все же неверно было бы думать, что они отстаивают строго механистичный подход — они признают всю сложность и многоплановость художественного текста... правда, дальше самого факта признания дело не доходит. Например: «При переносе текста с одного языка на другой, любой ценой следует сохранять именно значение; форма, кроме особых случаев, таких как поэзия, глубоко вторична (*largely secondary*)»¹⁶. Что следует делать в таких особых случаях, нигде в книге не сказано.

Пожалуй, самое интересное отступление от строго «трансформационного» подхода — это рассуждение о разных пластах, уровнях или регистрах языка (*varieties, levels*)¹⁷. Не существует единого английского, русского и какого бы то ни было языка, потому что каждый из них может быть:

¹⁴ Nida and Taber, 173.

¹⁵ Nida and Taber, 102.

¹⁶ Nida and Taber.

¹⁷ Nida and Taber, 20-124.

- устным и письменным;
- современным и архаичным;
- высоким и просторечным;
- официальным и неформальным.

При этом эти оппозиции могут быть вовсе не тождественны друг другу: устная речь может быть официальной (на собрании), а письменная — просторечной (в записке) и т.д. Таким образом, переводчик обязан подобрать для своего перевода соответствующий уровень — а может быть, даже и воспользоваться разными регистрами для перевода разных отрывков. Конечно, всё это тоже можно описать в терминах трансформационной грамматики: текст при переводе из одного регистра в другой претерпевает ряд вполне формализуемых трансформаций — но сам вопрос о выборе того или иного регистра в рамках грамматически возможных предложений одного и того же языка выводит переводчика из области одной лишь лингвистики и заставляет обратиться к каким-то иным областям гуманитарного знания.

В завершающих главах книги даются практические рекомендации по тестированию новых переводов Библии и предлагается краткая типовая схема организации переводческого проекта. [...] Их подход, начиная с 1960-х гг., оставался основным в практике Библейских обществ (а сама эта книга — своего рода программным документом и одновременно методическим пособием), продолжает он работать и сегодня, несмотря на то, что в чистом виде его уже мало кто применяет. Книга впервые предложила развернутую, глубоко обоснованную и продуманную теорию библейского перевода в частности, да и перевода с одного языка на другой вообще, а к тому же сопровождала эту теорию рядом ценных и понятных методических указаний. [...]

Найда — автор целого ряда книг и статей по разным вопросам библейского перевода, антропологии, лингвистики, миссионерства¹⁸. Более того, его следует считать основателем целой школы библейских переводчиков — основным ее журналом является “The Bible Translator”, который Объединенные библейские общества (UBS) издают с 1950-го года. В 1970-80-х годах не только Найда, но и его ученики и последователи были в числе основных авторов, публиковавших статьи в этом журнале.

Затем, предложенная Найдой и Тэйбером модель перевода была преподана в книгах, ориентированных на практику — значительная часть этих книг была переведена на русский язык¹⁹. Кроме того, UBS постоянно издавало и продолжает издавать немало справочной литературы для переводчиков.

¹⁸ Среди наиболее значительных назовем Eugene Nida, *Language Structure and Translation: Essays* (Stanford: Stanford University Press, 1975); Eugene Nida, *Customs and Cultures: Anthropology for Christian Missions* (New York: Harper, 1954).

¹⁹ Кэтрин Барнуэлл, *Перевод Библии: Введение в Принципы Перевода* (Билефельд: SIL, 1990); Милдред Л. Ларсон, *Смысловый Перевод: Руководство По Теории Межъязыковой Эквивалентности и Ее Практическому Применению* (С.-Петербург: Северо-западная библейская комиссия, 1993); Джон Бикман and Джон Келлоу, *Не Искажая Слова Божия: Принципы Перевода и Семантического Анализа Библии*. (С.-Петербург: Ноах, 1994).

Прежде всего, это серия “Handbooks” — детальные и ориентированные на переводчиков комментарии к каждой библейской книге, и практические рекомендации там следуют почти исключительно этой модели.

Таким образом, Найда вместе с Тэйбером и другими своими единомышленниками предложили не просто еще одну теорию, и даже не просто теорию по сути революционную, но целый комплекс, состоящий как из теоретических положений, так и из методических указаний, которые детально разрабатывались и опробовались на самом разнообразном материале. Наибольшую известность получил английский перевод *Good News, разные издания которого, впрочем, могут различаться во второстепенных деталях.* [...]

Слабые места теории динамического эквивалента

◆ Никак нельзя сказать, будто теория динамического эквивалента была одобрена всеми и не встретила никакой серьезной критики; ее недостатки и ограниченность достаточно очевидны. Перечислим наиболее принципиальные:

- По самому своему настрою книга полемическая — она довольно страстно отрицает один подход, формальный, и проповедует другой, динамический. Взгляд получается слишком однобоким.
- Авторы исходят из достаточно спорных предпосылок, не обсуждая их и не разбирая никаких контраргументов. В частности, они предполагают, что каждый текст имеет одно, строго определенное значение, к которому современный переводчик имеет полный доступ.
- Другая подобная предпосылка: смысл представляется практически независимым от формы, которая может быть произвольно изменена без малейшего влияния на смысл текста. Если быть в этом последовательным до конца, можно будет вообще отказаться от идеи перевода, ведь основное содержание текста может быть передано в вольном пересказе, в мультфильме и т.д.²⁰
- Теория перевода целиком и полностью определяется лингвистикой и антропологией (возможно, при минимальном участии богословия), для других научных дисциплин не остается практически никакого места.
- В результате эта теория практически ничего не говорит о переводе поэтических текстов, не случайно примеры из Ветхого Завета, где так много поэзии, встречаются в этой книге крайне редко.
- Такой подход вытекает из евангелически-протестантского миссионерства и может вполне ему соответствовать, но он принципиально не обращает никакого внимания на другие возможные христианские течения и традиции, которые точно так же могут быть заинтересованы в библейском переводе, не говоря уже о светских переводчиках.

²⁰ На самом деле, сегодня все чаще можно услышать о такого рода формах представления библейских сюжетов и идей (в английском для этого используется выражение *new media*), но в наше понимание перевода они все-таки не входят, что, конечно, не означает их бесполезности.

- Что касается лингвистических предпосылок, такая теория перевода полностью опирается на идею о произвольности всех языковых знаков (идушую от Ф. де Соссюра) и в особенности на трансформационную грамматику Н. Хомского. Если идеи Хомского подлежат уточнению и пересмотру (как это и выглядит в современной лингвистике), теория перевода Найды и Тэйбера лишается своего основания. При этом авторы идут несколько дальше Хомского, который не говорил о трансформациях применительно к переводу, и такое расширения его теории выглядит спорным.
- Теория сосредоточена на переводе отдельных высказываний и не обращает почти никакого внимания на структуру текста.
- Ориентация на ближайший естественный эквивалент означает принципиальный отказ от передачи стилистического разнообразия в переводе, тогда как в художественных текстах существует немало приемов, которые не являются самыми естественными с точки зрения повседневной речи. Эта теория их практически не учитывает.
- Следовательно, речь вообще не идет о целостной теории перевода – скорее, перед нами ряд конкретных рекомендаций для переводчиков Библии в контексте евангелическо-протестантской миссии. Они основаны на определенных лингвистических, антропологических и (менее явно) богословских предпосылках, которые разделяются не всеми и которые не связываются в сколь-нибудь полную теорию. До некоторой степени это обстоятельство признавал в более поздние годы и сам Найда, который при этом сомневался, что такая целостная теория вообще возможна²¹.
- Эта теория полностью прескриптивна (предписывает определенную модель поведения) и сходу отвергает все варианты перевода, которые в нее не укладываются. Читатель в этой теории в любом случае оказывается в роли пассивного и неквалифицированного потребителя.

В наиболее полном виде принципиальные возражения к самому подходу Найды и Тэйбера были высказаны уже через несколько лет после публикации их книги французским ученым и переводчиком (в том числе и Библии) Анри Мешонником²², заговорившем об *эпистемологии перевода*. [...] Он в частности, обратил внимание читателя на тот факт, что переводы обычно не притворяются оригинальными текстами, как следовало бы по их теории. Иными словами, переводчик обычно желает сохранить культурную дистанцию, дать читателю ощущение некоторой отстраненности от текста из иной культуры.

Впрочем, у Мешонника были предшественники: в частности, перевод М. Бубера и Ф. Розенцвейга на немецкий был выполнен именно с таких позиций (выпускался он порциями с середины 1920-х по начало 1960-х гг.),

²¹ Eugene Nida, *Contexts in Translating* (Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 2001): 93.

²² Henri Meschonnic, *Pour La Poétique. II Epistémologie de l'écriture. Poétique de La Traduction* (Paris: Gallimard, 1973).

а в 1970-е появился перевод на французский А. Шураки (ВННС), выполненный с еще более радикальным дистанцированием. Он начинается так: *ENTÊTE Elohîms créait les ciels et la terre*, букв. ‘ВО ГЛАВЕ Элохим создал небеса и землю’. Этот перевод нарочито буквален, он стремится показать читателю внешнюю форму оригинала, не смущаясь полной неестественностью выражений.

Для Мешонника (а равно и для Бубера или А. Шураки) не существует никакого значения, которое было бы независимо от формы и могло бы быть воспроизведено при помощи определенных техник. Смысл любой фразы теснейшим образом связан с культурой оригинала, которая, разумеется, отлична от культуры языка перевода, и эти отличия должны быть сохранены. Переводчик при таком подходе совсем не похож на миссионера — он, скорее, посредник между двумя культурами, или даже гид, который проводит читателя по незнакомой территории, давая необходимые пояснения.

Однако было бы неверно думать, что англоязычное научное сообщество не высказало никакой критики теории динамического эквивалента. Для этого сообщества наибольший интерес представляла не только теория, но и перевод GN, который воплотил ее положения на практике. Наибольшую известность получила книга английского литературоведа Стефена Прикетта, одна цитата из которой повторяется практически в каждой статье или книге, критикующей теорию Найды. Говоря о тех целях, которые ставит перед собой перевод GN, Прикетт восклицает: «До какой же степени возможно, цитируя предисловие к *Good News Bible*, “пользоваться языком естественным, ясным, простым и недвусмысленным”, когда Библия говорит совершенно не о таких предметах, которые были бы естественными, ясными, простыми и недвусмысленными?»²³

[...]

Прикетт выносит создателям GN суровый приговор: «Современные переводчики и Библейское общество, будучи уверены в ‘правильном понимании значения оригинала’, показали на деле крайне малую заинтересованность в буквальном значении Библии с присущим ей сложностью и многоплановостью и предпочли ей откровенно толковательные пересказы, которые, как оказывается, они считают более приемлемыми для современного разума. Какова бы ни была ‘истина библейского откровения’, становится понятным, по крайней мере, на примере этого отрывка, что для Библейского общества она не содержится в самом тексте, но в ‘теологии’, которая по определению переменчива и определяется духом времени»²⁴.

[...]

Можно добавить сюда и еще одно критическое замечание, касающееся языков без развитой литературной нормы. Удастся ли вообще выразить всю полноту мыслей оригинала, если следовать только принятым в устной речи способам выражения? [...]

²³ Stephen Prickett, *Words and the Word: Language, Poetics and Biblical Interpretation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986): 10.

²⁴ Prickett, 12-13.

Лоренс Вентути²⁵, обращает внимание, прежде всего, на противопоставление «приручающих» и «отчуждающих» переводов по Ф. Шлейермахеру. Безусловно, динамический эквивалент занимает крайне «приручающую» позицию, не признавая за другим подходом практически никаких прав на существование. Для Прикетта это опасно потому, что утрачивается глубина и многозначность оригинала, а для Вентути излишнее приручение становится разновидностью культурного империализма: переводчик заставляет звучать оригинал, как если бы он был порожден внутри его собственной культуры, и тем самым лишает культуру автора права на самобытное существование. Хороший переводчик должен быть «невидим», как оконнное стекло, он должен открывать оригинал в его целостности и полноте, не приукрашивая и не меняя его. Пожалуй, в полной мере этот идеал просто недостижим, да и выражена такая критика в слишком идеологизированной форме, но все же нельзя не признать за ней известную долю правоты.

Найда и де Вард: функциональный эквивалент

◆ Эти и другие, менее существенные возражения, которые мы не перечисляем здесь просто из-за недостатка места, не остались незамеченными. К тому же и в лингвистике идеи раннего Хомского вызвали все больше вопросов; нельзя сказать, чтобы лингвисты полностью от них отказались, скорее, они стали лучше видеть их относительность и ограниченность. На смену поискам алгоритмов кодирования и декодирования вербальной информации пришла многоплановая теория коммуникации, которая рассматривала человеческое общение как некий гораздо более сложный процесс, в котором передача собственно информации становится не единственной и даже не обязательно главной целью. Всё это неизбежно меняло и отношение к теории перевода в целом и к идеям Найды и Тэйбера в частности.

Подробную историю того, как воспринималась, развивалась, уточнялась и оспаривалась эта теория вплоть до начала XXI в. в библейских обществах и партнерских организациях (которые и взяли ее на вооружение) можно найти в исчерпывающей статье Стефена Пэтмора²⁶. Практические аспекты теории перевода получили свое развитие прежде всего на конференциях по библейскому переводу, которые проводились Объединенными библейскими обществами раз в три года с 1981 по 2009 г. (UBS Triennial Translation Workshop, TTW)²⁷, и по итогам которых публикуются сборники статей и в журнале “The Bible Translator”. Звучала здесь и критика Найды и Тэйбера, порой достаточно серьезная, но в целом речь шла именно об уточнении и дополнении теории, а не о ее ниспровержении.

[...]

²⁵ Lawrence Venuti, *The Translator's Invisibility: A History of Translation* (London: Routledge, 1995).; см. также Lawrence Venuti, *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference* (London, New York: Routledge, 1998).

²⁶ Stephen Pattemore, ‘Framing Nida: The Relevance of Translation Theory in The United Bible Societies’, in *A History of Bible Translation*, ed. Philipp A. Noss (Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007), 217–63.

²⁷ Автор этой книги был участником TTW в 2000, 2003 и 2006 гг.

В результате всех этих обсуждений в 1986 г. вышла совместная книга Юджина Найды и Яна де Варда “From one Language to Another” (в русском переводе — “*На новых языках заговорят*”)²⁸. Впервые материалы этой будущей книги были представлены на TTW в 1978 г., и нетрудно понять, что это была не просто книга двух авторов, а скорее труд, созданный ими в рамках UBS в тесном контакте с коллегами и на благо всех библейских обществ мира. Говоря о том, какую роль он стал играть в практике работы UBS, Пэтмор сравнивает прежний труд Найды и Тэйбера с Библией, а эту книгу — с авторизованным комментарием к ней, который призван дать самое верное толкование неясным местам и показать, как поступать на практике²⁹.

Самое заметное внешнее изменение — отказ от понятия динамический эквивалент в пользу функционального эквивалента. Как утверждают авторы, это практически одно и то же, но с этой их оценкой согласны далеко не все³⁰. Вполне очевидно, что между двумя книгами есть преемственность и, более того, основные положения теории Найды и Тэйбера не подверглись радикальному пересмотру.

Естественным образом при этом сместился центр тяжести и даже понимание основной задачи переводчика: если динамический эквивалент подразумевает «отклик на весть», то функциональный сосредотачивается на передаче текста в его коммуникативной ситуации. В основу такого подхода положена теория речевых актов, в особенности в том виде, в каком она была сформулирована Р. О. Якобсоном³¹. Всякое высказывание имеет ряд функций, и передача информации — только одна из них. Другие функции, например, установления контакта или эстетическая, не менее важны — и адекватный перевод должен исполнять для целевой аудитории те же функции, какие оригинал исполнял для аудитории изначальной.

[...]

Книга Найды и де Варда начинается с развернутого изложения теории коммуникации во всех ее аспектах, да и весь дальнейший материал можно было бы описать как объяснение этой теории на практических примерах разного рода. В самом начале книги объясняются вещи, которые, казалось бы, не имеют отношения к теории перевода: на какой бумаге и каким способом издавать книгу? Но если исходить из принципа, что книга должна дойти до читателя, то необходимо, чтобы она не обманывала его ожиданий и в отношении внешнего вида, поэтому для революционного латиноамерикан-

²⁸ Ян де Ваард и Юджин А. Найда, *На Новых Языках Заговорят. Функциональная Эквивалентность в Библейских Переводах*. (Санкт-Петербург: РБО, 1998).

²⁹ Pattermore, ‘Framing Nida: The Relevance of Translation Theory in The United Bible Societies,’ 224.

³⁰ Развернутые возражения см. в N. Statham, ‘Dynamic Equivalence and Functional Equivalence: How Do They Differ?’, *The Bible Translator* 54 (2003): 102–11; N. Statham, ‘Nida and “Functional Equivalence”: The Evolution of Concept, Some Problems, and Some Possible Ways Forward’, *The Bible Translator* 56 (2005): 29–43.

³¹ См., прежде всего, Роман Осипович Якобсон, ‘Лингвистика и Поэтика’, in *Структурализм: «за» и «против»*, ed. М.Я. Полякова (Москва: Прогресс, 1975), 193–230; Roman Jakobson, ‘Linguistics and Poetics’, in *Style in Language*, ed. T. Sebeok (Cambridge, MA: Harvard University, 1960), 350–77.

ского студенчества нужно было печатать книгу пророка Амоса ротатором на дешевой бумаге — только такие брошюры и читали эти студенты³².

Ведь если книга построена на теории коммуникации, она должна обращать внимание не только на сам текст и его код, но и на контекст, который оказывается совершенно различным у автора и у читателя. Речь идет не только о контексте ситуативном или историко-культурном, здесь, казалось бы, всё понятно: в разных культурах люди имеют неодинаковые представления о мире, традиции, способы поведения и выражения своих мыслей и чувств и т.д. Всё это понятно, и об этом говорилось, пусть в самых общих чертах, и в книге Найды и Тэйбера.

Но теперь авторы обращают внимание и не ситуацию в конкретном переводческом проекте: как обстоят дела с данным языком, какова целевая аудитория, как, наконец, организован переводческий проект. Все это прямым и непосредственным образом влияет на принятие конкретных переводческих решений, а главное, заставляет нас задуматься о том, что проекты бывают разными и то, что хорошо в одном случае, может оказаться непригодным в других. В конце концов, что переводить в первую очередь — это тоже зависит от аудитории: «Вряд ли людей, живущих в Сахаре, особенно заинтересует то, что пережил апостол Павел во время бури, завершившейся кораблекрушением близ Мальты»³³.

Говорится в книге и о богословии, хотя совсем немного. Авторы отмечают различие между первичным и вторичным религиозными языками. Первичный — это, собственно, и есть язык Библии, с его богатыми и не всегда понятными образами, а вторичный — язык современного богословия, тяготеющий к терминологической точности и конфессиональности (о последнем, впрочем, в книге не говорится). Смешение одного с другим приводит к тому, что в Библии начинают видеть сборник догматически безупречных формулировок, и соответственно ее переводят, теряя по дороге всю его глубину и многозначность. «Было бы ошибкой устранить всю его возвышенную непонятность и переписать первичный религиозный язык в духе учебника по библейскому богословию», — отмечают авторы³⁴. Нельзя не заметить, что здесь они, по сути, спорят со слишком последовательным применением теоретической модели Найды и Тэйбера, которое и в самом деле нередко встречается на практике и вполне непротиворечиво выводится из их теории.

48 Итак, поздний Найда не спорит с ранним, а скорее дополняет его. При таком подходе в поле зрения теоретиков попадают явления, которые совершенно исключались из него при динамическом подходе, прежде всего, художественная ткань текста. Так же можно сказать, что он отказывается от некоторой механистичности трансформационной грамматики в пользу более полного и адекватного подхода к человеческому общению. Он по-

³² де Ваард and Найда, *На Новых Языках Заговорят. Функциональная Эквивалентность в Библейских Переводах*, 12-20.

³³ де Ваард and Найда, 60.

³⁴ де Ваард and Найда, 25.

прежнему проводит достаточно строгое различие между формой и содержанием (кому-то оно кажется слишком строгим и несколько искусственным), но при этом не игнорирует форму, как это получалось у Найды и Тэйбера, пусть даже произвольно.

Особенно стоит отметить, что в центре внимания Найды и де Варда стоят уже не отдельные фразы, воспринимаемые как логические пропозиции, а большие блоки текста, организованного сложным и не всегда однозначным образом. Теперь в поле зрения переводчика и теоретика перевода попадают не только синтаксис и лексика, но и дискурсный, и риторический анализ. В значительной мере это связано с тем, что де Вард и Найда обращают немало внимания и на ВЗ, в котором столько поэтических отрывков, не похожих к тому же на современную поэзию.

Что касается собственно рекомендаций по методике перевода, в целом они согласуются с предложениями Найды и Тэйбера, хотя и местами куда менее категоричны. Но и в новой книге однозначно утверждается, что «переводить — значит переводить значение» (так и называется четвертая глава)³⁵. Это общее положение раскрывается через социосемиотическую модель, согласно которой в передаче смысла участвуют *знак*, *референт* и *интерпретант* (в более привычной многим терминологии Фердинанда де Соссюра первые два элемента назывались бы означающим и означаемым)³⁶. Другими словами, как будет понят тот или иной знак, зависит от интерпретанта, который его и истолковывает.

Конкретные рекомендации по определению грамматического и лексического значений в целом остались такими же, как и в ранней книге, они опираются на трансформационную или, как стали называть ее более позднюю и переработанную версию, генеративную *грамматику* (синтаксис) и *компонентный анализ* (лексика). Но в книге появились две принципиально новые главы: “Риторические функции” и “Риторические приемы” — действительно, если речь идет о переводе художественного текста, то без внимания к его риторической или поэтической структуре не обойтись. Впрочем, эти главы носят достаточно обзорный характер, в них мы видим скорее интересные примеры перевода, нежели развернутые рекомендации по передаче поэтических черт текста. С другой стороны, такие рекомендации в общем виде было бы сложно дать, ведь это далеко не то же самое, что беспристрастная и объективная дешифровка текста с целью извлечь из него конкретную информацию.

Очерк дальнейшей истории теории функционального эквивалента можно найти, к примеру, в статье Кееса де Блойса³⁷. Он, в частности, отмечал, что во многих странах, особенно там, где существует давняя христианская традиция, переводчики нередко стремятся уйти от противопоставления формального и функционального переводов как двух крайностей и зани-

³⁵ де Ваард and Найда, 71.

³⁶ де Ваард and Найда, 71.

³⁷ Kees de Blois, ‘Functional Equivalence in the Nineties: Tendencies in the Application of Functional Equivalence Principles in Different Parts of the World’, in *Current Trends in Scripture Translation. UBS Bulletin 170/171*, ed. Basil Rebera (Reading: UBS, 1994), 24–36.

мают некую среднюю позицию. Для них функциональный подход в чистом виде выглядит слишком радикально, он требует отвлечься от всего, кроме некоего «идеального значения», к чему не готовы люди, принадлежащие к некоторой христианской традиции. Среди последних публикаций, говорящих об этой теории, стоит также назвать специальный выпуск журнала “The Bible Translator”, вышедший в 2005 г. (номер 56.1) и посвященный целиком творчеству Найды. Его личности, его творчеству и огромному влиянию на мир библейского перевода была посвящена книга Филипп Стайна³⁸.

При этом теория функционального эквивалента по-прежнему критикуется, и эта критика в значительной степени продолжает всё то, что говорилось в свое время о теории эквивалента динамического — не все критики даже заметили разницу между ними³⁹. В качестве положительного примера можно привести критику со стороны Доналда Карсона: в двух статьях, вышедших с интервалом в семнадцать лет⁴⁰, он последовательно разбирает пределы применимости как динамического, так и функционального эквивалента. Пожалуй, это наиболее полное и адекватное изложение критики этой школы. В начале XXI века, пишет Карсон, изменился подход к языку и общению между людьми, и довольно трудно переводить «просто значение» или «просто функцию» того или иного выражения. [...]

В небольшой, но содержательной статье Герта Йордаана⁴¹ отмечается всего одна, но принципиально важная грань этой проблемы. Функциональный эквивалент упрощенно относится к коммуникации: перевод призван максимально точно воспроизвести ту коммуникацию, которая состоялась некогда между библейским автором и его изначальными слушателями или читателями, но библейские тексты продолжают жить полноценной жизнью и в последующих веках. Они обращаются к новым поколениям людей, живущих в иных культурах и эпохах, и невозможно ни ожидать, что перевод полностью перенесет их в коммуникативную ситуацию древнего Израиля или Палестины НЗ времен, ни отказывать им в праве на самостоятельное прочтение этих книг в их собственных коммуникативных ситуациях.

[...]

В одной из последних своих работ Найда, словно бы подводя итог называет научные дисциплины, которые важны для библейского переводчика⁴²:

³⁸ Philip C. Stine, *Let the Words Be Written: The Lasting Influence of Eugene A. Nida* (Atlanta: SBL, 2004).

³⁹ См., напр., Roland Boer, ‘The Dynamic Equivalence Caper’, in *Ideology, Culture and Translation*, ed. Scott S. Elliott and Roland Boer (Atlanta: SBL, 2012), 13–23., где даже не упоминается функциональный эквивалент, а вся критика обращена к раннему Найде.

⁴⁰ D.A. Carson, ‘The Limits of Dynamic Equivalence in Bible Translation’, *Evangelical Review of Theology* 9 (1985): 200–213; D.A. Carson, ‘The Limits of Functional Equivalence in Bible Translation — and Other Limits, Too’, in *The Challenge of Bible Translation: Communicating God’s Word to the World*, ed. Glen S. Scorgie, Mark L. Strauss, and Steven M. Voth (Grand Rapids: Zondervan, 2003), 65–114.

⁴¹ G.J.C. Jordaan, ‘Problems in the Theoretical Foundation of the Functional-Equivalent Approach’, in *Contemporary Translation Studies and Bible Translation: A South African Perspective*, ed. J.A. Naud and C.H.J. van der Merwe (Bloemfontein: University of the Free State, 2002), 19–27.

⁴² Eugene Nida, ‘A Contextual Approach to Biblical Interpretation’, in *The Bible through*

филология; лингвистика, социолингвистика; культурология и антропология; социосемиотика; психология. Но он не упоминает богословие. Пока же просто ограничимся констатацией факта: для Найды на протяжении всей его многолетней и исключительно плодотворной карьеры библейского переводчика и теоретика библейского перевода ни экзегетика, ни богословие не играли существенной роли. Что переводить, как переводить, для кого переводить — эти вопросы решались сугубо светскими гуманитарными методами, а значение текста оригинала и его функционирование в культуре ЯП можно было считать объективно установленным.

В целом можно сказать, что книга Найды и де Варда подвела своего рода итог целому теоретическому направлению. Всё самое существенное, что можно было сказать в рамках этой теории, на данный момент уже сказано. Что еще важнее, разработана и успешно применяется во многих регионах мира основанная на ней методика, а где-то даже трудно представить себе иные подходы.

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ВМЕСТО ЭКВИВАЛЕНТА

Цена, качество и понимание

◆ В 1991 г. на GTW с серией лекций выступил Эрнст-Август Гутт, сотрудник Летнего института лингвистики (SIL), работавший с переводческими проектами в Эфиопии. В следующем году была издана его книга⁴³; в 2000 г. вышло новое, дополненное издание⁴⁴. Так в мир библейского перевода вошла теория релевантности. Это была разработка и применение к библейскому материалу идеи релевантности, высказанной впервые Дэном Спербером и Дейрдре Уилсон⁴⁵. Они исходили из того простого факта, что общение меж людьми состоит не только из обмена информацией, заключенной в словах определенного языка. Многие не проговариваются, а только подразумеваются, иначе наши реплики были бы длиннее раз в десять.

Новая теория начиналась с поиска ответа на один простой вопрос: какую имплицитную информацию следует в переводе делать эксплицитной? Говоря иными словами, сколь многое из того, что подразумевал автор и в большинстве случаев понимал его изначальный читатель, следует явно объяснять читателю современному? Практика показывала что, действуя в рамках теории динамического или функционального эквивалента, переводчики должны были сообщать читателю массу дополнительной информации — иначе он рисковал не понять всех оттенков значения оригинала, особенно если его культура сильно отличалась от библейской.

Metaphor and Translation: A Cognitive Semantic Perspective, ed. Kurt Feyaerts (Oxford etc.: Peter Lang, 2003): 298.

⁴³ Ernst-August Gutt, *Relevance Theory: A Guide to Successful Communication in Translation* (Dallas: SIL, 1992).

⁴⁴ Ernst-August Gutt, *Translation and Relevance: Cognition and Context* (Manchester & Boston: St. Jerome, 2000).

⁴⁵ Dan Sperber and Deirdre Wilson, *Relevance: Communication and Cognition* (Oxford: Blackwell, 1986).

В результате яркое, динамичное евангельское повествование порой превращалось в многословное рассуждение с постоянными повторами, а яркие и порой парадоксальные изречения Иисуса — в пространные богословские рассуждения. По сути, такой перевод включает в себе развернутый комментарий. [...]

Гутт предложил вполне определенный критерий: что добавлять в текст, а что оставить на усмотрение читателя. Собственно, он применил старый, как мир, принцип цена — качество: читатель затрачивает некоторые усилия на прочтение дополнительных слов, их наличие оправдано только в том случае, если они существенно влияют на качество понимания. Иными словами, не надо говорить лишнего и не надо умалчивать о существенном. Например, спрашивая в вагоне метро другого пассажира «выходите?», мы подразумеваем «из этого вагона на следующей остановке». Более того, мы подразумеваем, что сами хотим выйти и ждем, что пассажир или подтвердит, что сам выйдет впереди нас, или не будет возражать против того, чтобы мы протиснулись мимо него ближе к двери. [...]

Мы стараемся сказать ровно столько, чтобы быть правильно понятыми, не больше и не меньше. Адекватно понять собеседника нам помогает, прежде всего, контекст в широком смысле слова. Казалось бы, и этот принцип стар, как мир, но его тоже надо было четко сформулировать и изложить в виде последовательной теории.

Когнитивная лингвистика и эмансипация метафоры

◆ Теория Найды во всех ее вариантах опиралась прежде всего на лингвистику, при этом так или иначе ключевым понятием для него было кодирование и декодирование: автор передает нечто читателю, и задача переводчика правильно понять содержание сообщения и воспроизвести его средствами языка перевода. Спербер и Уилсон, а за ними и Гутт также говорили с точки зрения лингвистики, но уже иной, когнитивной которая как раз и вышла на сцену в 1980-х гг. как новое и перспективное направление, в центре внимания которого — язык как средство общения меж людьми, а следовательно, и средство познания и описания мира⁴⁶. В самом деле, на первом месте для Гутта стоит успешное речевое взаимодействие.

Следует отметить, что когнитивная лингвистика действительно многое изменила в переводческой теории вне зависимости от того, принимать или нет конкретные положения Гутта. В качестве примера таких перемен можно привести постулат Кеннета МакЭланона о том, что единицей перевода должно быть не слово и не предложение, а определенный сценарий⁴⁷, который должен быть адекватно передан для читателей из другой культуры. Например, в работе Ричарда Хойле⁴⁸ показано, как употребление различных

⁴⁶ С основами этого подхода можно познакомиться, напр., по Татьяна Георгиевна Скребцова, *Когнитивная Лингвистика: Курс Лекций* (С-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011).

⁴⁷ Kenneth A. McElhanon, 'From Word to Scenario: The Influence of Linguistic Theories upon Models of Translation', *Journal of Translation* 1, no. 3 (2005): 29–67.

⁴⁸ Richard A. Hoyle, *Scenarios, Discourse and Translation. The Scenario Theory of Cognitive*

глагольных форм в НЗ греческом связано с передачей информации переднего плана и фоновой (правильное их распределение тоже относится к области сценариев) и как именно эти свойства текста должны быть выражены на языке паркари (Пакистан), где на те же роли назначены, естественно, другие грамматические формы.

Особенно большое значение имеет этот подход для перевода *метафор*⁴⁹. Следует вообще заметить, что отношение к метафорам в гуманитарных науках достаточно сильно изменилось в конце XX в., прежде всего благодаря работам Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона⁵⁰. До того в метафорах видели по преимуществу некоторый формальный прием, позволяющий расцветить речь. Но теперь в метафорах видят скорее средство структурирования и описания окружающего мира, причем метафоры являются культурно обусловленными только отчасти. Так, если что-то «повысилось», то в любом известном языке это будет означать увеличение количества или улучшение качества, хотя сама по себе «высота» не означает ни «много», ни «хорошо». Если бы метафоры были совершенно произвольными, можно было бы ожидать, что «повышение» может означать «ухудшение» так же часто, как и «улучшение», или просто некое качественное изменение безотносительно к оценке, но мы такого совершенно не наблюдаем. Человеку свойственно предполагать: «выше — это лучше» и «выше — это больше».

Следовательно, метафоры по крайней мере в этой общечеловеческой части оказываются таким же понятным и привычным способом передачи информации, как и прямая речь. Более того, многие понятия и явления мы привычно описываем с помощью метафор: «солнце встает, солнце садится, солнце движется по небу», даже если мы прекрасно понимаем, что на самом деле это земля вращается вокруг своей оси и мы, глядя с ее поверхности, видим неподвижное солнце под разными углами — но никто так не станет описывать эту картину.

В рамках когнитивного подхода метафоры имеют ключевое значение, и в особенности — в религиозном языке, который выражает вечные и абсолютные истины на человеческом языке, связанном с определенной культурой, мировоззрением, опытом и т.д. Метафора «работает», опираясь на эту культуру, вызывая в сознании слушающего определенные образы идеи. При переводе на другой язык неизбежно меняется эта «фоновая» информация, особенно если велика культурная и временная дистанция между носителями двух языков⁵¹. При переводе нужно «попасть» в иное концептуальное про-

Linguistics, Its Relevance for Analysing New Testament Greek and Modern Parkari Texts, and Its Implications for Translation Theory (SIL e-books, 2008).

⁴⁹ См., в частности, Thomas G. Matthews, 'Toward a Prototypical Model of Culture for Bible Translation', *Journal of Translation* 5, no. 1 (2009): 1–61.

⁵⁰ Джордж Лакофф and Марк Джонсон, *Метафоры, Которыми Мы Живем* (Москва: ЛКИ, 2008); Джордж Лакофф, *Женщины, Огонь и Опасные Вещи* (Москва: Гнозис, 2011). Джордж Лакофф, *Женщины, Огонь и Опасные Вещи: Что Категории Языка Говорят Нам о Мышлении* (Москва: Языки славянской культуры, 2004)., см. также сборник Н.Д. Арутюнова, ed., *Теория Метафоры* (Москва: Прогресс, 1990).

⁵¹ Подробнее см., к примеру, Job Y. Jindo, 'Toward a Poetics of Biblical Mind: Language, Culture and Cognition', *Vetus Testamentum* 59 (2009): 222–43.

странство, передать не только мысль или образ, но и определенную часть мировоззрения, только в рамках которого эти мысль и образ что-то значат для читателя⁵². За метафорой здесь признается самостоятельная ценность. Она и есть та единица познания и описания мира, которая подлежит бережному и творческому переводу⁵³.

Типология переводов по Гутту

◆ Однако вернемся к теории релевантности. Предельно упрощая, можно сказать, что Найду заботило, как передать сообщение без потерь и с максимальным эффектом, а Гутта — как добиться достаточного взаимопонимания при употреблении необходимого минимума средств. «Теория перевода, основанная на релевантности, сравнивает прежде всего интерпретации, а не воспроизведение отдельных слов, лингвистических конструкций или текстуальных особенностей»⁵⁴. Здесь, парадоксальным образом, Гутт сближается с ранним Найдой, которого тоже заботила прежде всего адекватная передача сообщения (message), т.е., в конечном счете, эффективность коммуникации. Но при этом каждый из них строит свою теорию вокруг разных понятий: для Найды это эквивалентность перевода оригинальному тексту, для Гутта — его релевантность для читателя. При этом теория релевантности разделяет оптимистический взгляд Найды на то, что изначальное значение может быть целиком и полностью нами определено и остается только задуматься о том, как лучше изложить его читателю.

При этом Гутт, вслед за другими исследователями, различает скрытый перевод (covert translation), т.е. такой, который вовсе не стремится выглядеть переводом, и явный перевод (overt translation), который ни от кого не прячется⁵⁵. Текст, который выглядит как непере译ной, собственно, уже и не является переводом — его следовало бы назвать пересказом или адаптацией.

[...]

Например, реклама паромной линии между Финляндией и Германией в немецкой версии гласит, что это «самый прекрасный способ попасть в Финляндию», а в финской — что это «самый прямой путь для финнов отправиться в отпуск в Европу»⁵⁶. Каждой аудитории предлагается то, что будет самым релевантным именно для нее, но такую адаптацию текста уже сложно назвать переводом.

⁵² О том, какую роль играл этот новый подход к метафорам в развитии теории перевода, см, в частности, Rainer Guldin, 'Metaphor as a Metaphor for Translation', in *Thinking through Translation with Metaphors*, ed. James St. Andr (Manchester & Kinderhook: St. Jerome, 2010), 160–91; Enrico Monti, 'Metaphors for Metaphor Translation', in *Thinking through Translation with Metaphors*, ed. James St. Andr (Manchester & Kinderhook: St. Jerome, 2010), 192–210.

⁵³ Примеры такого подхода в переводе на язык африкаанс см. Christo H.J. van der Merwe, 'Translating Metaphors into Afrikaans in a Source Language-Oriented Translation of the Hebrew Bible', *Stellenbosch Papers in Linguistics PLUS* 33 (2006): 43–68.

⁵⁴ Gutt, *Translation and Relevance: Cognition and Context*, 233.

⁵⁵ Gutt.:47; первое употребление этих терминов — Juliane House, *A Model for Translation Quality Assessment* (Tübingen: Narr, 1977).

⁵⁶ Gutt, *Translation and Relevance: Cognition and Context*, 51.

При чтении рекламного буклета всё определяется контекстом, но при вторичной коммуникации, частным случаем которой является перевод, гораздо сложнее добиться того, чтобы контекст однозначно подсказывал читателю, как следует истолковать текст, как дополнить прямые высказывания автора тем, что он только подразумевал. Более того, невозможно ожидать, чтобы разные читатели совершенно одинаково истолковывали один и тот же текст... но это до некоторой степени свойство любого текста, а не только перевода. Например, евангельские повествования полны цитат и аллюзий на книги Ветхого Завета. Трудно было бы ожидать, чтобы даже в древности все читатели распознавали их одинаково хорошо; очевидно, что для кого-то они были более, а для кого-то менее очевидны. Следовательно, евангелисты, не эксплицируя эту имплицитную информацию, шли на определенный риск непонимания, допуская, что кто-то из читателей пропустит часть подразумеваемой ими информации. Должен ли переводчик полностью избегать такого риска?

Для Гутта вполне очевидно, что нет. Он также обращает наше внимание (следом за Чуковским), что хорошие поэтические переводы как раз бывают очень неточны в том, что касается передачи фактической информации, и то же касается, пусть и в меньшей степени, переводов художественной прозы⁵⁷. Напротив, предельная точность может убить всё впечатление от текста. Но, с другой стороны, если сделать перевод слишком вольным, пропадает чувство дистанции между текстом и читателем, он перестает восприниматься как произведение, рожденное в совершенно иной культуре, и потому ценность его в глазах читателей может упасть. Он становится слишком своим, слишком понятным, чтобы быть достаточно хорошим.

Поэтому, рассуждая о явных переводах, Гутт вводит такие понятия, как прямой и непрямой перевод (*direct vs. indirect translation*). Прямым Гутт называет такой перевод, который «стремится интерпретативно воспроизвести оригинал полностью в том контексте, который предусматривался для оригинала (*purports to interpretatively resemble the original completely in the context envisaged for the original*)»⁵⁸. Иными словами, переводчик не собирается ничего читателю объяснять, не хочет снабжать его дополнительной информацией, как это делает сейчас автор этой книги, истолковывая слова Гутта. При прямом переводе достаточно будет точно передать, что именно он сказал, как всегда делается при прямом цитировании, и оставить читателя наедине с текстом. При непрямом, наоборот, переводчик как посредник берет на себя ответственность за успех коммуникации и правильное понимание. Оба подхода принципиально возможны, выбор между ними зависит от конкретной коммуникативной ситуации.

Здесь, пожалуй, и лежит основное разногласие между двумя теориями. С точки зрения Найды, именно в непрямом переводе и заключается идеал переводчика, а прямой перевод — это перевод формальный, неуклюжий, неправильный. Но для Гутта это совсем не обязательно так — своя ниша

⁵⁷ Gutt, 130-32.

⁵⁸ Gutt, 171.

есть у того и другого, причем выбор зависит в основном от общих установок или воззрений человека.

Например, в статье К. Джобс приводятся аргументы, по которым теория релевантности подходит евангелическим протестантам⁵⁹: ее понимание природы коммуникации совместимо с основами христианской веры, она обращает должное внимание и на намерения автора, и на контекст, и позволяет переводить текст на разные языки. Но разве не к тому же стремится любая сколь-нибудь последовательная и внятная теория перевода? Видимо, симпатии евангелистов связаны с другим обстоятельством: что теория релевантности позволяет уравнивать традиционный прямой перевод (к которому интуитивно склоняются многие верующие) с переводом непрямым, тогда как теория эквивалентности во всех своих разновидностях отдает безусловное предпочтение последнему.

В то же время в UBS эта теория встретила более прохладный прием. Хороший пример критики теории Гутта со стороны сторонников функционального подхода содержится в статье Эрнста Вэндленда, о чем мы еще будем говорить⁶⁰:

- Само понятие релевантности представляется слишком субъективным.
- В делении переводов на прямые и не прямые он видит стремление оправдать буквализм в переводе. Трудно рассчитывать, отмечает он, что читатель, даже хорошо знакомый с языками оригинала, сможет вполне восстановить контекст и понять, что хотел сказать ему автор; в результате переводчик рискует создать текст, который не будет адекватно понят.
- Теория Гутта, по его мнению, применима только к письменным переводам, тогда как в нынешнем мире все большее значение придается звучанию устного текста.
- Наконец, он отмечает, что теория Гутта не дает ясных рекомендаций для переводчиков и потому не имеет большой практической ценности.

Что касается первого и главного упрека в субъективности, то в новом издании 2000 г. Гутт обратил на него особое внимание в развернутом послесловии⁶¹. Действительно, мы не можем наверняка знать, что хотел сказать автор своим читателям. Именно поэтому перевод — не особый жанр, а особый вид коммуникации, схожий с цитированием, только цитата в данном случае дается на другом языке. Не зная в полноте намерений автора, мы, тем не менее, знаем, что он сказал, и потому можем воспроизвести его слова на другом языке, оставляя за читателем право и возможность самому судить о намерениях. Это не означает, что Гутт признает только «прямой» перевод, ведь и цитирование не обязательно бывает дословным, но это означает, что он признает за «прямой» и «непрямой» моделью равные права, а тем самым

⁵⁹ Karen H. Jobes, 'Relevance Theory and the Translation of Scripture', *Journal of Evangelical Theological Society* 50/4 (2007), 782.

⁶⁰ Ernst R. Wendland, 'Relevance of "Relevance Theory"', *The Bible Translator* 47 (1996): 126–37.

⁶¹ Gutt, *Translation and Relevance: Cognition and Context*, 202–238.

признает и всё многообразие переходных форм между ними. Все эти переводы в равной мере, с его точки зрения, могут быть описаны при помощи теории релевантности.

В то же время сам Гутт не давал практических рекомендаций, а его работы, написанные сложным техническим языком, просто невозможно использовать в качестве руководства для переводчиков. Это положение должна исправить книга, подготовленная Гуттом совместно с другими авторами (Хэрриэт Хилл, Маргарет Хилл, Кристоф Унгер и Рик Флойд) как раз для подготовки переводчиков, ее название буквально переводится как “Основы библейского перевода: передача Писания релевантным образом”⁶². Она содержит множество практических советов и рекомендаций, основанных на теории релевантности с учетом культурно-исторических различий между миром древнего Ближнего Востока и различными современными культурами.

При этом книга вполне разделяет основную идею раннего Найды: библейские переводчики должны адекватно передать значение текста, которое они вполне способны однозначно определить при помощи различных пособий.

[...]

Существенное практическое развитие получили теоретические положения Гутта в Южной Африке. Так, Кэвин Смит попробовал пересказать основные положения теории релевантности простым и доступным языком, а также восполнить один существенный пробел: объяснить, каким все-таки должен быть прямой перевод, о возможности которого говорит Гутт⁶³. Он сравнивает такой перевод с прямым цитированием, при котором мы просто приводим сказанные кем-то слова, не заботясь о том, достаточно ли у наших слушателей контекстуальной информации, чтобы понять их правильно. Если же мы стараемся описать всю ситуацию и подать чужие слова так, чтобы понимание было гарантированно правильным (во всяком случае, таким, как хотим мы), то цитировать слова другого человека приходится неточно — это подобно непрямому переводу.

Выражаясь более научно, *прямой* перевод стремится к максимальному представлению оригинала (*resemblance*), а *непрямой* — к непосредственному контекстуальному эффекту (*immediate contextual effect*), производимому на читателя. Смит перечисляет три основных принципа прямого перевода:

- он уважает как форму оригинала, так и естественность языка;
- он основан на правильном понимании оригинала;
- читатель должен понимать его, держа в уме изначальный контекст оригинального текста.

Эти принципы звучат достаточно красиво, и в то же время они не вполне реалистичны. Естественность языка и сохранение формы оригинала, как

⁶² Harriet Hill et al., *Bible Translation Basics: Communicating Scripture in a Relevant Way* (Dallas: SIL, 2011).

⁶³ Kevin Gary Smith, ‘Direct Translation: Striving for Complete Resemblance’, *Conspectus* 1 (2006): 27–43.

правило, являются противоречащими друг другу приоритетами, и одним обычно приходится поступаться ради другого. Затем, правильное понимание оригинала не всегда достижимо, и нередко служит примером весьма серьезных споров, а читатель перевода неизбежно живет и мыслит в ином контексте, нежели читатель оригинала, и добиться его полного переноса в мир древнего Ближнего Востока просто невозможно.

Сходно звучат основополагающие принципы сторонников «сознательной дословности», о которой пойдет речь ниже, однако в целом приходится признать, что пока это не связная и убедительная теория или методология, а скорее ряд благопожеланий.

Впрочем, Смит высказывает и ряд ценных наблюдений. В частности, он отмечает, что, говоря об имплицитной информации, которую можно делать эксплицитной, теория релевантности проводит различие между лингвистически и контекстуально обусловленной информацией. Первая относится к области языка: например, личная глагольная форма может однозначно указывать на действующее лицо, не называя его при этом, и такую информацию можно и нужно раскрывать в переводе по мере необходимости без малейших сомнений. Но вот контекстуальная информация относится уже к области общего знания об окружающем мире и конкретной ситуации, и здесь прямой перевод обычно воздержится от объяснений.

Еще одно наблюдение Смита относится к метафоре. С точки зрения функционального эквивалента, метафора может быть при необходимости легко заменена прямым и непосредственным выражением, передающим тот же смысл. Однако, спрашивает Смит, когда Библия называет Господа *пастырем*, что именно она имеет в виду? Что Он заботится о людях, направляет их, охраняет и т.д. — метафора одновременно всё это подразумевает, но ничего из этого не проговаривает. Выбрать лишь одно из таких пониманий и предложить его в качестве единственного верного уже есть насилие над текстом.

В качестве одного из интересных примеров практического применения такого подхода (прямой и непрямой перевод) можно привести перевод НЗ на белуджский язык, опубликованный в 2001 г. Библейским обществом Пакистана. Он издан совершенно особенным способом: на одной странице идет оригинальный греческий текст в сопровождении подстрочника, который практически невозможно читать как связный текст. На другой странице представлен достаточно свободный перевод. Таким образом, читатель видит перед собой сразу три текста: оригинал, затем самый прямой перевод, какой только возможен, и еще перевод не прямой, который даже именуется не переводом, а пересказом. Как он будет всем этим пользоваться решать ему самому. В значительной степени такая форма публикации обусловлена ожиданиями мусульманской аудитории, которая желает видеть священный текст в целостности и неприкосновенности, а от перевода ждет максимальной дословности — по сути, хочет не перевода, а подстрочника. Но подобная форма представления текста вполне мыслима и для читательских аудиторий, отличных от мусульманской.

СКОПОС И ФУНКЦИЯ

Скопос вместо эквивалента

◆ Уже в 1980 г. Гидеон Тури предложил отказаться от общего понятия эквивалентности: всякий осмысленный перевод на свой лад эквивалентен, но слишком уж разными бывают эти лады. Таким образом, это понятие скорее запутывает, чем проясняет дело⁶⁴. Характерно само название его труда: “В поисках теории перевода”. Это, конечно, явная полемика с *наукой перевода* (a science of translating), приближение к которой обещало заглавие книги Найды 1964 г.⁶⁵, положившая начало теории динамического эквивалента. Тури не рассчитывал на появление некоей научно обоснованной методологии переводческой практики, он надеялся хотя бы найти для нее научно приемлемое описание.

Вообще, эквивалентность, по меткому заключению Эндрю Честермана, стала самым спорным понятием во всей теории перевода: какой она бывает, как связана она с разными типами перевода, что она означает на практике... да и достижима ли она вообще⁶⁶? Примеров подобных споров мы видели уже немало.

А что, если и в самом деле отказаться от поисков эквивалентности? Что, если качество перевода измеряется вовсе не этим понятием, к тому же толкуемым достаточно по-разному? Такой подход был предложен уже в середине 1980-х гг. некоторыми немецкими теоретиками перевода (без какой бы то ни было связи с переводом библейским), прежде всего, Катариной Райс и Хансом Фермеером. Их книга называлась по-немецки фундаментально — “Основания общей теории перевода”, и в ее первой части, написанной Фермеером, излагались общие основы этой теории, а во второй, принадлежащей перу Райс, говорилось о более частных понятиях, таких, как адекватность перевода, типология текстов и т.д. В любом случае, появление такой теории связывается, прежде всего, с двумя этими исследователями.

Они писали: «В качестве основного правила теории перевода мы предлагаем ‘правило скопоса’: действие определяется его целью (является функцией его цели)»⁶⁷. Всякий речевой акт есть, согласно Райс и Фермееру, *предложение информации* (Informationsangebot). Соответственно, перевод есть предложение информации о другом предложении информации, сделанном на другом языке и в другой культуре. Оно преследует некоторую цель, которая и определяет, как именно будет сделано это предложение.

[...]

Действительно, еще сам Найда в середине семидесятых ясно утверждал, что бессмысленно оценивать перевод как таковой, он может быть хорош

⁶⁴ Gideon Toury, *In Search of a Theory of Translation* (Tel Aviv: Porter Institute, 1980): 63-70.

⁶⁵ Nida, *Toward a Science of Translating*.

⁶⁶ A. Chesterman, *Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory* (Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1997), 9.

⁶⁷ Katharina Reiß and Hans. J. Vermeer, *Grundlegung Einer Allgemeinen Übersetzungstheorie* (Tübingen: Niemeyer, 1984), 101. Слово *скопос* заимствовано из греческого (σκόπος) и как раз означает ‘цель’.

или плох только для кого-то⁶⁸. А что, если взять именно этот вопрос: для кого делается этот перевод, — за отправную точку любого рассуждения о переводческом ремесле? Если говорить не о читателе как потребителе, которому профессионал передает некий продукт (именно так это выглядит у раннего Найды), а скорее как о заказчике, который будет использовать перевод определенным образом, и именно это и определяет требования к переводу? На этом и основана новая теория.

[...] Переворот произошел после публикации в 1997 г. английской версии книги Кристиан Норд⁶⁹, немецкой исследовательницы, которая сама себя относит ко второму поколению сторонников теории скопоса. [...]

Книга называется “Перевод как целенаправленное действие”. Такое утверждение кажется на первый взгляд банальным, ведь любые осмысленные действия люди производят с какими-то целями. Но на самом деле многие теоретики перевода совершенно не касаются этой стороны переводческого процесса, полагая цели переводчика самоочевидными, хотя это далеко не так.

В самом начале книги Норд приводит пример из жизни⁷⁰: если спросить полицейского на улицах индонезийской столицы Джакарты, как найти такую-то улицу, он обязательно даст развернутый ответ, даже если не знает, как туда пройти — признаваться в своем неведении в этой культуре не принято (кстати, так обстоят дела далеко не только в Индонезии). Если при этом говорить придется через переводчика, тот может детально воспроизвести сказанное полицейским... или может догадаться о его неведении по невербальным признакам и сказать проще: «да он не знает, надо спросить кого-нибудь еще». Но в любом случае цель переводчика состоит не в том, чтобы воспроизвести индонезийские слова на каком-то ином языке — он должен помочь туристу найти нужную улицу. Это и есть цель (скопос) в данном случае, и всё определяется тем, как можно достичь цели наиболее удобным способом.

При этом Норд отмечает, что действия переводчика, как правило, соответствуют нескольким целям-скопосам, которые обычно выстраиваются в порядке приоритетности в соответствии с общими задачами перевода⁷¹. Переводчик может не проговаривать этих целей или даже сам их не вполне понимать, но они так или иначе присутствуют в его сознании и определяют выборы, которые он совершает.

[...]

Если теория эквивалентности предполагает, что перевод должен быть эквивалентен тексту, то теория скопоса говорит скорее об адекватности перевода поставленной перед переводчиком цели⁷². Сам перевод Норд определяет как

⁶⁸ Eugene Nida, ‘A Framework for the Analysis and the Evaluation of Theories of Translation’, in *Translation: Application and Research*, ed. Richard E. Brislin (New York: Gardner Press, 1976), 64.

⁶⁹ Christiane Nord, *Translation as a Purposeful Activity* (Manchester: St. Jerome, 1997).

⁷⁰ Nord, 1-3.

⁷¹ Nord, 29.

⁷² Reiß and Vermeer, *Grundlegung Einer Allgemeinen Übersetzungstheorie*, 124-26. Nord, *Translation as a Purposeful Activity*, 35-37.

«целенаправленное межличностное и отчасти вербальное межкультурное взаимодействие, основанное на оригинальном тексте»⁷³.

Поэтому первое, что должен сделать переводчик — это определиться с переводческим заданием или *концепцией перевода* (нем. *bersetzungsauftrag*, англ. *brief*)⁷⁴. Перед началом работы переводчик или переводческая группа должны тщательно проанализировать текст и существующую ситуацию вокруг него и четко понять, как и кем именно перевод будет использоваться. [...]

Такое задание, по Норд, должно в первую очередь определять⁷⁵:

- предполагаемую функцию текста,
- предполагаемую аудиторию,
- ожидаемое время и место, в которых текст будет воспринят,
- средство передачи текста,
- причину, по которой текст создается.

Таким образом, весь облик будущего перевода определяется его скопосом. При выборе стратегии важнейшую роль играет инициатор или заказчик, т.е. человек или организация, которые, собственно, и пожелали получить перевод данного текста на данный язык, очевидно, для достижения определенной цели. Функционально-эквивалентный перевод при таком подходе — лишь один из частных случаев, притом Райс и Фермеер называют его «имитирующим переводом»⁷⁶.

Также они отмечают, что тексты не существуют сами по себе, они принадлежат к определенным социокультурным мирам, и перенос текста в иную культуру неизбежно меняет и сам текст. Переводчик обязан создать такой текст, который будет значим для читателей, окажется так или иначе вписан в другие существующие на этом языке тексты и соотнесен с ситуацией, в которой находится читатель — то есть он должен обладать *интертекстуальной когерентностью*⁷⁷.

Отношения между миром текста, как называет это Норд⁷⁸, и окружающим нас миром могут быть довольно сложными. Не случайно во все времена большим успехом пользовались произведения, действие которых разворачивается в вымышленном мире (из наиболее актуальных примеров возьмем произведения Толкина, Льюиса и Ролинг), который при этом содержит множество элементов из нашего реального мира. Соответственно, правила игры усложняются: помимо культурной среды оригинала и культурной среды языка перевода возникает некая особая культурная среда текста, связанная и с той, и с другой реальностью, но не копирующая ее напрямую. Надо сказать, что так обстоит дело не только в случае Нарнии или Хогвартса: мир,

⁷³Nord, *Translation as a Purposeful Activity*, 18.

⁷⁴ Nord, 9.

⁷⁵ Nord, 60.

⁷⁶ Reiß and Vermeer, *Grundlegung Einer Allgemeinen Übersetzungstheorie*, 89.

⁷⁷ Reiß and Vermeer, 104-113.

⁷⁸ Nord, *Translation as a Purposeful Activity*, 86-88.

создаваемый автором, всегда до некоторой степени условен и не является зеркальным отражением реального мира.

Всё, сказанное выше, предполагает, что теория скопоса действительно иначе смотрит на вещи, нежели теория эквивалентности. Норд перечисляет⁷⁹ некоторые важные различия между ними. Если представить их в виде таблицы, она будет выглядеть так:

	<i>Теория эквивалентности</i>	<i>Теория скопоса</i>
Интерпретация	Переводчик должен понимать текст точно так же, как и автор.	Понимание переводчика должно быть совместимо с намерением автора и с ситуацией, в которой находится читатель.
Функция текста	Перевод должен исполнить в своей культуре ту же функцию, что и оригинал в своей.	Функция, которую исполняет перевод, должна быть совместима с намерением автора.
Культурная дистанция	Мир текста читатель перевода должен понимать так же, как понимал его читатель оригинала.	Мир текста конструируется в соответствии с его функцией в читательской аудитории.
Эффект	Эффект, произведенный переводом на читателя, должен совпадать с эффектом, произведенным оригиналом на изначального читателя.	Переводчик должен стремиться к эффекту, который соответствовал бы его функции в читательской аудитории.

Требования теории эквивалентности Норд считает не вполне исполнимыми, в лучшем случае – это недостижимый идеал, к которому стремится переводчик⁸⁰. В случае с Библией просто невозможно произвести на аудиторию такой же эффект, какой оригинал производил на изначальную аудиторию уже просто потому, что аудитории сильно различаются и вопросы перед ними стоят тоже разные⁸¹.

Ответы, предлагаемые теорией скопоса, представляются ей практически единственным разумным выходом из тупика: отказаться от всякой теории перевода вообще или создавать теорию нереалистичную. Ключевыми словами становятся ‘совместимость’ и ‘соответствие’.

Именно эти положения теории скопоса стали твердой основой для многих работ о библейском переводе, увидевших свет в XXI веке – наиболее подробно об этом писал из библейских переводчиков Лоуренс де Фрис⁸², который увидел в ней, прежде всего, возможность найти свое место и для более дословных, и для более свободных переводов. В частности, он от-

⁷⁹ Nord, 88-93.

⁸⁰ Christiane Nord, ‘Function and Loyalty in Bible Translation’, in *Apropos of Ideology: Translation Studies on Ideology – Ideologies in Translation Studies*, ed. Mar a Calzada P rez (Manchester & Northampton: St. Jerome, 2003), 91.

⁸¹ Nord, 93.

⁸² Lourens de Vries, ‘Bible Translations: Forms and Functions’, *The Bible Translator* 52, no. 3 (2001): 306–19; Lourens de Vries, ‘Biblical Scholars, Translators and Bible Translations’, *Scripture and Interpretation* 2, no. 2 (2008): 141–59.

мечает, что перевод рождается в результате взаимодействия трех основных сил: переводчиков, библеистов и общин верующих (faith communities), и у каждой из них есть свои предложения и пожелания, так что скопос каждого конкретного переводческого проекта они определяют все вместе. Краткий очерк этой теории на русском языке принадлежит свящ. Михаилу Самкову⁸³.

Итак, переводчик просто не в состоянии добиться того же самого воздействия на своего читателя, какого добился некогда автор. Мы не можем точно реконструировать, какой именно эффект имел этот текст тысячелетия назад на своих первых читателей, да и они наверняка не все восприняли его одинаково, а если бы и реконструировали, все равно бы не смогли воспроизвести тот же самый эффект в совершенно иной среде. Но можно постараться сделать так, чтобы сегодняшнее прочтение текста не противоречило авторскому замыслу и в то же самое время было вполне уместно для нынешнего читателя. [...]

Критика и практика

◆ Норд приводит и основные возражения против теории скопоса и сама отвечает на них⁸⁴. Вот наиболее существенные из них:

- Не всегда перевод имеет ясно обозначенную цель; к тому же эта цель может лежать уже за пределами собственно переводческой работы (например, перевод Библии в контексте миссионерской активности). Нередко бывает и так, что перевод используется разными людьми в совершенно разных ситуациях и для разных целей, и в особенности это относится к библейскому переводу. Это действительно так, но принцип целеполагания в любом случае помогает определиться с выбором: какой именно вариант выбрать из нескольких возможных? — а именно этот вопрос и составляет основную проблему для переводчика.
- Этот подход не отдает должного уважения оригиналу и делает из переводчика равнодушного наемника. Действительно, такая опасность у этой теории есть, на нее до некоторой степени отвечает упомянутое нами выше понятие верности.
- Он годится для перевода технических инструкций или для создания перифразов, но он не подходит литературным переводчикам, для которых оригинал исключительно ценен и должен оберегаться от всяческих искажений, даже если их пожелает читательская аудитория. По Норд, и вполне буквальный перевод вписывается в теорию скопоса, он просто предполагает особое целеполагание. Более того, эта теория вообще не предполагает жесткого противопоставления разных видов перевода.
- Он строится на культурном релятивизме — но в этом Норд не видит ничего дурного. Напротив, акцент, который делает эта теория на разности культур, служит своего рода противовесом против прежних универсалистских подходов, не отдававших должного этой разности.

⁸³ свящ. Михаил Самков, 'Теория Скопоса', *Скрижали* 2 (2011): 139–51.

⁸⁴ Nord, *Translation as a Purposeful Activity*, 109–122.

Э. Пим приводит и другие критические возражения⁸⁵. Он отмечает, среди прочего, что такая теория не проходит общепринятый научный критерий фальсифицируемости — невозможно доказать неправоту тех или иных ее положений, если сама их правота ставится в полную зависимость от представлений переводчика о цели его труда. В результате всякий, даже совершенно абсурдный перевод, окажется достаточно хорошим — ведь каким-то своеобразным целям и он удовлетворяет (например, смешит аудиторию).

Пим в этом прав, но ведь Норд и не покушается на некую абсолютно объективную научную оценку каждого конкретного перевода. Она скорее ставит своей целью выработку некоторых общих критериев, предполагая, что ими будут руководствоваться добросовестные переводчики, а не оправдываться халтурщиками.

Кроме того, отмечает Пим, детальный анализ, который предписывает теория Норд (76 вопросов к тексту оригинала) выглядит просто нереалистичным. Это тоже верно, и тоже отчасти: никто не утверждает, что без ответа на 76 вопросов невозможно сделать качественный перевод. Видимо, их следует воспринимать как возможные вопросы, ответы на которые могут быть в каких-то конкретных случаях интуитивно понятными или вовсе несущественными, а вовсе не как некий формуляр, подлежащий обязательному заполнению.

Практических рекомендаций для переводчиков у Норд немного, хотя у нее много интересных примеров. Это вполне естественно, т.к. книга скорее дескриптивна, нежели прескриптивна. Но такие рекомендации все же есть, например совет проанализировать текст оригинала с точки зрения функционального анализа (мы бы это могли назвать способом представления информации, актуальным членением или как-нибудь еще): где вводится тема, где сообщается новая информация, где автор обращается к читателям. Действительно, при переводе на язык с другим синтаксисом риторика и даже логика текста нередко разрушаются, связное изложение превращается в набор правильных синтаксических конструкций без особой связи между собой.

К тому же практические указания можно найти и в других работах Норд. Например, в одной из статей она излагает свою теорию в самом кратком виде⁸⁶. По сути, речь идет о том, что адекватный перевод должен соответствовать основным коммуникативным функциям оригинала⁸⁷, причем Норд для простоты называет только четыре: *фатическая* (установление и поддержание отношений), *референциальная* (указание на явления окружающего мира), *экспрессивная* (выражение собственных чувств) и *апеллятивная* (побуждение читателя к действию). Каждая конкретная фраза в переводе может что-то утратить или, напротив, усилить, но в целом переводной текст

⁸⁵ Anthony Pym, *Exploring Translation Theories* (London: Routledge, 2010), 58.

⁸⁶ Christiane Nord, 'Translating for Communicative Purposes across Culture Boundaries', *Journal of Translation Studies* 9 (1) (2006): 43–60.

⁸⁷ Коммуникативные функции понимаются Норд в соответствии с классической моделью Р.О. Якобсона — см. Якобсон, 'Лингвистика и Поэтика'; Jakobson, 'Linguistics and Poetics'.

и отдельные его элементы должны в переводе действовать примерно так же, как и оригинал.

Что касается практики работы, то Норд, не сказавшая в своей теоретической книге ни единого слова о Библии, оказалась, пожалуй, единственным теоретиком переводоведения, который подготовил и издал совершенно оригинальную версию НЗ на своем родном языке (в соавторстве с мужем, Клаусом Бергером) – NTFS. По сути, они работали примерно как богословский редактор и переводчик.

Как вполне можно было ожидать, теоретические основания этого перевода описаны самой Норд в терминах скопоса и лояльности⁸⁸. Во-первых, явная цель этого труда – представить читателю не канонический корпус текстов, а сборник раннехристианских произведений (включая апокрифические) в хронологическом порядке, т.е. предложить ему не книгу Церкви, а историческую антологию. Что касается стратегического выбора переводчиков, он определяется самой Норд как *понятная инаковость* (otherness understood): не теряя дистанции, не пытаясь осовременить текст и даже подчеркивая его инаковость, сделать его в то же время понятным рядовому современному читателю. [...]

Итак, основная и бесспорная заслуга теории скопоса состоит в том, что она предложила твердые основания для теоретического анализа всего спектра переводов, заведомо не ставя одни из них в положение правильных (как теория функционального эквивалента), и дала возможность осознанно выбирать между моделями, а также оценивать каждый перевод по подходящим ему критериям.

От эквивалентов к фреймам

◆ Итак, в 1990-е гг. стало окончательно ясно, что теория динамического или функционального эквивалента отнюдь не удовлетворяет всех теоретиков и практиков библейского перевода и не отвечает на все вопросы. Для развития теории перевода в рамках UBS (по сути, ведущей организации в данной области) сыграло свою роль и выступление на TTW в 1994 г. Базиля Хатима и Айяна Мэйсона, представивших свою книгу о роли дискурсного анализа в переводе⁸⁹. По сути, это был первый случай, когда на подобной конференции в качестве основных докладчиков были приглашены люди, никак не связанные с библейским переводом и работающие в иной парадигме, нежели теория Найды.

Что такое дискурсный анализ, сказать в нескольких словах достаточно трудно. Говоря предельно упрощенно, он обращает внимание не на грамматику и не на словарь, а на практическое использование языка в общении людей и на те его черты, которые позволяют людям не просто выстраивать правильные высказывания, но общаться между собой. Сюда относятся языковые условности, формулы вежливости, стратегии повествования, структурирование текста, способы подачи новой информации и т.п.

⁸⁸ Nord, 'Function and Loyalty in Bible Translation'.

⁸⁹ Basil Hatim and Ian Mason, *Discourse and the Translator* (London: Longman, 1990).

При этом стоит заметить, что подход Хатима и Мэйсона отнюдь не выглядел бесспорным и в те времена. Интересный и весьма содержательный пример критики можно найти в статье Э. Пима⁹⁰. Ее основная суть сводится к тому, что дискурсный анализ – безбрежное море теорий и моделей (и за прошедшие два десятилетия такая характеристика ничуть не устарела). Какую теорию выбрать за основу? К тому же неясным остается следующий вопрос: пусть даже мы определили, следуя одной из моделей, какую роль играет та или иная черта дискурса в оригинальном тексте, но как передать ее в переводе? Ведь дискурсные черты не то же, что падежи, времена глагола, лексемы или суффиксы, наличие которых определяется однозначно, за редчайшим исключением – дискурсные черты служат предметом научных споров, их значение определить намного сложнее, чем значение падежей или суффиксов. Далее, дискурсные черты свойственны не языку в целом, а определенному типу текстов на этом языке – они могут совершенно отсутствовать в других текстах, написанных на этом же языке, но присутствовать в иноязычных текстах того же рода.

[...]

В результате, по мнению Пима, работа Хатима и Мэйсона скорее ставит вопросы, нежели отвечает на них. Впрочем, наивно было бы ожидать, что одна книга, или даже несколько книг, дадут исчерпывающие рекомендации для всех переводчиков мира. Достаточно важно было хотя бы указать на необходимость всерьез учитывать дискурсные черты как оригинального, так и переводного текста. Потому на ТТW в 2000 г. было начато обсуждение планов новой книги, которая описывала бы теорию и практику библейского перевода на новом уровне. Такая книга, посвященная теории была издана в 2003 г. под редакцией Тимоти Уилта, а в 2008 г. вышло практическое дополнение к ней Эрнста Уэндленда, предназначенное для практического обучения членов переводческих групп⁹¹.

Название теоретической книги 2003 г. можно перевести как “Библейский перевод: основные фреймы”. В предисловии прямо говорится, что ранняя теория Найды, которая долгое время считалась основной для библейских обществ, уже не может считаться адекватной. В послесловии главный редактор Тимоти Уилт развивает эту мысль подробнее:

«Когда Найда и Тэйбер опубликовали свою известную книгу по библейскому переводу три десятилетия назад, консультанты по переводу Библии были почти исключительно белыми мужчинами-протестантами из Европы или Америки. При переводе на неевропейские языки основные переводчики часто не были носителями языков перевода и стремились, будучи взрослыми, изучить культуру своих будущих читателей. Церквями во многих частях мира руководили иностранные миссионеры, а уровень формального образования пастырей из этих народов был низкими, равно

⁹⁰ Anthony Pym, ‘Limits and Frustrations of Discourse Analysis in Translation Theory’, *Revista de Filología de La Universidad de La Laguna* 11 (1992): 227–39.

⁹¹ Ernst R. Wendland, ed., *Contextual Frames of Reference in Bible Translation: A Coursebook for Bible Translators and Teachers* (Manchester: St. Jerome, 2008); Timothy Wilt, ed., *Bible Translation: Frames of Reference* (Manchester: St. Jerome, 2003).

как и возможности его повесить. Такие дисциплины, как социолингвистика, анализ текста и прагматика существовали в зачаточном виде, лингвистика в основном занималась анализом текста на уровне отдельных высказываний в отрыве от контекста. Библиисты обращали сравнительно мало внимания на литературное строение канонических текстов, а голоса толкователей из стран, которые не были во главе технологического и экономического прогресса, были еле слышны. Компьютеры были неизвестны большинству и недоступны практически всем»⁹².

С тех пор это положение дел радикально изменилось в каждом пункте, и теория, которая описывала то положение дел, требует существенного пересмотра. Правда, как отмечает Уилт, затем возникла теория функционального эквивалента (он принципиально отличает ее от теории эквивалента функционального), но и ее уже не хватает в начале XXI в., когда наступила, как ее определяют авторы книги, *эра переводоведения* (era of translation studies)⁹³. Собственно, это главные причины, по которым потребовалась новая книга о библейском переводе в рамках UBS.

Цель такой книги — определить основные ориентиры и понятия, связанные с библейским переводом во всем его многообразии. Для этого используется понятие фреймов, заимствованное из когнитивной лингвистики. Говоря в самом общем смысле, это рамки (таково буквальное значение англ. *frame*), которые позволяют человеку структурировать знание об окружающем мире. Самый простой пример — фотография. Мир полон самых разнообразных и меняющихся объектов, искусный фотограф устанавливает *рамки* для своего кадра так, чтобы эти объекты, может быть, оказавшиеся случайно в смежных точках пространства, воспринимались как связанные друг с другом, чтобы вся картинка стала «говорящей». Этим, собственно, шедевр фотоискусства и отличается от любительских снимков в жанре «мы с подружкой на фоне всего подряд».

Вся человеческая деятельность проходит в определенных фреймах: дома человек ведет себя не так, как на работе, с друзьями — не так, как на романтическом свидании, и т.д. Соответственно, говоря о фреймах в библейском переводе, мы рассуждаем не просто о фактах, явлениях и идеях, но о целостных системах, в которые эти факты, явления и идеи организуются и в рамках которых они воспринимаются. Фреймы могут быть когнитивными, социокультурными, организационными и коммуникативно-ситуативными, все эти разновидности разбираются в книге.

Так, *организационные фреймы* — это те структуры, в которых и рождается библейский перевод. Бессмысленно обсуждать, как переводить книгу, не выяснив сначала, кто, собственно, будет ее переводить, кто — оплачивать работу переводчика, кто — печатать и кто — распространять. А если учесть, что в таких переводах могут участвовать очень разные люди и организации с разными взглядами и методами работы, то никакой успешный перевод не может быть сделан без четкого выстраивания отношений между ними.

⁹² Wilt, *Bible Translation: Frames of Reference*, 231., см. тж. 57-58.

⁹³ Wilt, ix.

А вот *когнитивные фреймы* — это, говоря упрощенно, те части общей картины мира, в которые человек помещает всякую новую идею или новое понятие. Образно говоря, это тот кадр, на который он, как фотограф, поместит данный объект. Например, в сегодняшнем мире человек, который с пеной у рта бьется в припадке, будет отвезен в больницу с подозрением на эпилепсию, а во времена библейские из него постарались бы изгнать злого духа.

Книга начинается с краткого обзора существующих теорий перевода (включая и те, которые мы перечислили в предыдущих разделах), выполненного Алоо Моджолой и Эрнстом Вэндлендом. Разные исследователи делят переводы на: (1) буквальные и идиоматические, (2) семантические и коммуникативные, (3) нацеленные на перевод формы и содержания, (4) документальные и инструментальные, (5) прямые и не прямые, (6) выполненные с позиции наблюдателя и участника, (6) архаические и модернизирующие, (7) лингвистические и литературные⁹⁴. Отчасти эти деления совпадают (документальные и инструментальные у Норд очень похожи на прямые и не прямые у Гутта), отчасти различаются. Но самое главное, что здесь говорится о неадекватности подхода, реализованного в ранней теории Найды, согласно которому текст есть своего рода контейнер для идей (эта метафора самого Найды), откуда их извлекает читатель.

Особо авторы отмечают дискурсный подход Хатима и Мэйсона⁹⁵, о котором было сказано выше, но говорят примерно о тех же ограничениях, что и Пим. Далее, тексты (причем именно *тексты*, а не более расплывчатое понятие *сообщение*) рассматриваются не только в своем непосредственном историко-культурном контексте, но и в качестве документов, принадлежащих общине верующих и воспринимаемых этой общиной — это тоже можно считать контекстом, но уже в несколько ином смысле⁹⁶. Для анализа текстов применяются положения современной семиотики, например: «Выражения не являются контейнерами, содержащими смысл, но скорее они указывают на некоторые аспекты человеческого опыта, подводят к ним или напоминают о них. По мере того, как сообщество изменяется в связи с новым опытом, особенно в ходе общения с другими людьми, которые используют другие знаки либо те же или похожие знаки, но иным способом, изменяется и значение знака»⁹⁷.

Книга подробно описывает перевод как частный случай коммуникации, а не просто передачи информации. Действительно, невозможно говорить о библейском переводе вообще, он в значительной мере зависит от конкретной ситуации, включая и организацию проекта: кто выполняет перевод, для кого, в сотрудничестве с кем, как представлены публике итоги переводческой работы.

⁹⁴ Aloo Osotsi Mojola and Ernst R. Wendland, ‘Scripture Translation in the Era of Translation Studies’, in *Bible Translation: Frames of Reference*, ed. Timothy Wilt (Manchester: St. Jerome, 2003), 6–7.

⁹⁵ Hatim and Mason, *Discourse and the Translator*; Basil Hatim and Ian Mason, *The Translator as Communicator* (London: Routledge, 1997).

⁹⁶ Wilt, *Bible Translation: Frames of Reference*, 32–33.

⁹⁷ Wilt, 37.

В частности, выделяется и такое явление, как ритуальная коммуникация, причем неверно было бы думать, что она существует только в религиозных сообществах. Очень многое из того, что говорится людьми, служит ритуальным целям, например, поддержанию социальных связей. Но к библейскому переводу это относится в особой мере, для многих общин он, по определению Уилта, «подтверждает связи между членами общины и выражает их общие верования, причем единство этих верований часто понимается как в синхроническом, так и в диахроническом плане»⁹⁸. Иными словами, члены таких общин читают Библию не для того, чтобы узнать нечто новое, а чтобы ощутить единство своей веры и ее тождественность вере отцов. Чтобы достичь этой цели, члены общины могут стремиться поддерживать различия между священным и обыденным (сакральным и профанным) языками. Уилт отдельно отмечает, что это стремление в большей мере свойственно одним общинам (например, католическим и православным), чем другим, но в любом случае такая преемственность с традицией сама по себе оказывается немалой ценностью. Именно стремлением к преемственности Уилт в значительной мере объясняет успех такого английского перевода, как NIV.

Подводя итог теоретическим основаниям этого подхода, Уилт перечисляет основные отличия фреймовой модели от более ранних моделей коммуникации⁹⁹: (1) в основание этой теории положены фреймы, которые влияют на интерпретацию и формулировку целей; (2) ключевую роль играет организационный контекст; (3) автор не просто передает свои мысли читателю, но читатель воспринимает сказанное автором, исходя из собственных фреймов, а равно из той формы, которую придал тексту автор; (4) намерения читателя играют не меньшую роль, чем намерения автора; (5) в центре внимания стоит взаимодействие автора и читателя; (6) описывается не сообщение (message), сопровождаемое шумом, а текст, состоящий из вербальных и невербальных знаков.

Следующая глава в этой книге написана Робертом Баскомом и посвящена межкультурным аспектам коммуникации¹⁰⁰. В значительной мере он основывается на работе Дэвида Кэтана «Перевод и культуры»¹⁰¹. Культуру он понимает не как некую статичную данность, а скорее как процесс, в который вовлечены ее носители, и они постоянно договариваются о ней между собой – в частности, уточняют значение слов и выражений. Культура при этом тоже описывается в терминах фреймов и ментальных карт: карта не отражает всех свойств местности, а те, которые она отражает, представлены крайне упрощенно, зато наглядно. Например, на карте линий метро не показаны наземные улицы и здания, зато по ней сразу становится ясно, как можно добраться до нужной станции. Более того, на ней не обозначены в деталях схемы выходов и пересадок (что было бы очень полезно для пассажиров,

⁹⁸ Wilt, 65.

⁹⁹ Wilt, 75-76.

¹⁰⁰ Robert Bascom, 'The Role of Culture in Translation', in *Bible Translation: Frames of Reference*, ed. Timothy Wilt (Manchester: St. Jerome, 2003), 81-111.

¹⁰¹ David Katan, *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators* (Manchester: St. Jerome, 1999).

впервые едущих по данному маршруту) просто потому, что тогда карта оказалась бы перегружена информацией и ей было бы трудно пользоваться.

Точно так же мы упрощаем и структурируем действительность во всех остальных случаях, и ментальная карта есть некая сумма схематических представлений о реальности, которые заведомо соответствуют ей лишь отчасти, но позволяют ее понять и в ней сориентироваться. Только часть представлений носителей культуры нам видна, другая часть остается неосознанной даже для них самих, но при этом она не перестает влиять на их поведение и восприятие.

При переводе нам приходится сравнивать представления о мире носителей двух культур, и они неизбежно будут различаться (при том, что и у двух носителей одной и той же культуры они тоже не обязательно будут совпадать). Когда у одного народа нет какого-то понятия, хорошо знакомого другому народу, это еще относительно простой случай. Гораздо сложнее разобраться, когда понятие существует, но играет в жизни двух народов совершенно разную роль. А если речь идет о давних временах, мы даже не в состоянии точно узнать, что именно имелось в виду. [...]

Очень многие претензии к Библии, в особенности к ВЗ (он жесток, мелочен, непонятен и т.д.), на самом деле объясняются как раз несовпадениями между стандартными ожиданиями людей современной западной культуры и культур древнего Ближнего Востока. Вероятно, если бы древние люди ознакомились с нашими правилами и законами, многие из них показались бы им не менее жестокими и мелочными.

В наибольшей степени такие несовпадения заметны на языковом материале. Кэтан, ссылаясь на Хатима и Мэйсона¹⁰², отмечает, в частности, что между арабским и английским языками существует разница в таких универсальных приемах речи, как ирония, когда человек говорит противоположное тому, что думает. Ирония англичан афористична и предельно кратка, а вот араб в подобных случаях будет говорить нарочито долго — ненужные длинноты как раз и указывают на иронию. Такие вещи распознаются носителями языка подсознательно, и при буквальном переводе араб не увидит иронии в словах англичанина, а англичанин — араба. Оба могу счесть высказывания друг друга ложью.

К тому же всякий язык по-своему структурирует мир, и классической работой стала тут книга Джорджа Лакоффа “Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении”¹⁰³. Ее необычное название отсылает читателя к языку небольшого австралийского племени дьирбал, в котором именно существительные, обозначающие женщин, огонь и потенциально опасные предметы (например, колющие и режущие) отнесены к одной грамматической категории. Нет никакого сомнения, что для носителей этого языка все они имеют много общего меж собой. Можем вы-

¹⁰² Katan, 212.; ссылки даются на Hatim and Mason, *Discourse and the Translator*.

¹⁰³ George Lakoff, *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind* (Chicago: Chicago University Press, 1987)., русский перевод Лакоффа, *Женщины, Огонь и Опасные Вещи: Что Категории Языка Говорят Нам о Мышлении*.

строить свою гипотезу и мы: женщины легко воспаляются и могут быть опасны. Но, по мнению Лакоффа, всё проще: для носителей этого языка Солнце – божество женского рода (а Луна – мужского), поэтому к тому же грамматическому классу отнесено всё горячее, обжигающее и колющее (ведь укол похож на ожог). [...]

Еще одна глава книги о фреймах написана Роналдом Россом, она излагает основные лингвистические теории, которые используются переводчиками Библии в последние десятилетия. Здесь перечислено многое: спор об универсализме и относительности, типология в грамматике и семантике и т.д. Вот один небольшой пример¹⁰⁴ из области семантической типологии: англичане, говоря о движении, употребляют глаголы, которые указывают на способ перемещения, а направление указывают с помощью предлогов: *the bottles floated into the cave*, букв. ‘бутылки вплыли в пещеру’. Но в испанском языке, как и в большинстве романских, глагол будет указывать на направление движения, тогда как способ движения будет указан при необходимости с помощью герундия: *las botellas entraron a la cueva flotando*, букв. ‘бутылки вошли в пещеру плавая’. [...]

Также Росс уделяет внимание прагматике, т.е. сравнительно молодой отрасли лингвистики, которая занимается, грубо говоря, не правильностью построения фраз, а тем, как употребляются эти фразы в разных ситуациях и что люди на самом деле хотят сказать друг другу, когда их произносят или пишут. Один из интересных библейских примеров – краткая фраза Иисуса «ты сказал», произнесенная им на суде в ответ на предельно прямой вопрос первосвященника «заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мф 26:64). Что это, уход от прямого ответа (это ты так ставишь вопрос), или согласие (да, как ты и говоришь), или, напротив, отрицание (нет, это только ты так говоришь)? Большинство толкователей принимают эту фразу как согласие, и тем не менее, остается открытым вопрос, почему согласие было выражено в такой необычной форме, и как следует переводить ее на другие языки¹⁰⁵.

Что касается лексического анализа, Росс также связывает его с культурным контекстом. Несмотря на то, что люди совершают в целом одни и те же действия, в разных языках они обозначаются не просто разными словами – различаются и концепты, стоящие за этими словами. Например, в греческом есть глаголы, связанные с обучением и наставлением, которые не имеют однозначных соответствий во многих языках¹⁰⁶. Это *παράδομι* ‘передавать традиционные наставления’, *σφρονίζω* ‘обучать мудрому поведению’, *ἐνετρέφω* ‘обучать практическим навыкам’. Перевести их бывает не так просто, но еще интереснее, что даже те слова, значение которых совпадает в разных языках, могут заметно различаться тональностью: так, греческое *καυχάομαι* ‘хвалиться, хвастаться’ обычно не имеет отрицательного значения. Когда в

¹⁰⁴ Ronald L. Ross, ‘Advances in Linguistic Theory and Their Relevance to Translation’, in *Bible Translation: Frames of Reference*, ed. Timothy Wilt (Manchester: St. Jerome, 2003), 126–29.

¹⁰⁵ Ross, 139.

¹⁰⁶ Ross, 141–42.

Рим 5:2-3 Павел говорит о своей похвальбе, он имеет в виду нечто исключительно ценное и положительное. Разобраться в этих тонкостях можно с помощью методологии, предложенной Анной Вежбицкой¹⁰⁷, когда значение каждого слова в каждом языке разлагается на мельчайшие семантические *атомы*, но, к сожалению, такой анализ может отнять значительно больше времени, нежели то, которым обычно располагают переводчики.

Особую роль играет и социолингвистика, например, выбор форм для вежливого обращения или просьб¹⁰⁸. Многие языки различают формы *ты* и *Вы*, но в них редко полностью совпадает употребление этих форм вежливости. Более того, в исторических книгах, как в русском языке, стандартные правила просто не работают: в книгах о древнем Риме даже императора все называют на *ты*, как в допетровскую (а отчасти и петровскую эпоху) называли и русских царей.

Для практической подготовки переводческих групп книга под редакцией Уилта пригодна мало (впрочем, отметим, что практически все теоретические труды после Найды уже не выглядят как учебники для переводчиков). Поэтому в 2008 г. была издана новая книга, под редакцией того же Уилта и Вэндленда, под названием, которое можно перевести как “Фреймы применительно к Писанию: учебник для библейских переводчиков”¹⁰⁹.

Ее структура в целом повторяет структуру первой, теоретической книги, с той только разницей, что здесь приводится множество простых и конкретных примеров к основным положениям и даются упражнения, в то время как широты и глубины теоретического анализа в ней уже не найдешь, но это и не требуется от учебника. А вот в том, что касается практических рекомендаций и педагогической пригодности, книга исключительно полезна, она охватывает практически все аспекты работы над переводом Библии (включая и организацию проекта, и взаимодействие с будущей аудиторией) и показывает конкретные пути решения конкретных проблем. При этом каждый раз проблема описывается в своем широком контексте.

Особо стоит отметить заключительные главы этой книги, с восьмой по десятую, которые посвящены, по сути, отдельному предмету — теории литературно-функционального эквивалента, причем занимают эти главы более четверти объема книги¹¹⁰. Об этом мы и поговорим далее. [...]

Сознательная дословность

72 ♦ Буквальные, и даже нарочито буквальные переводы Библии существовали всегда — в древности, как известно, даже LXX показалась слишком вольным переложением, так что за ней последовали переводы Аквилы и другие, куда более дословные, чем известный нам текст LXX. Такие переводы в XX в.

¹⁰⁷ См., напр., Анна Вежбицкая, *Сопоставление Культур Через Посредство Лексики и Прагматики* (Москва: Языки славянской культуры, 2001).

¹⁰⁸ Ross, ‘Advances in Linguistic Theory and Their Relevance to Translation,’ 144-46.

¹⁰⁹ Timothy Wilt and Ernst R. Wendland, eds., *Scripture Frames and Framing: A Workbook for Bible Translators* (Stellenbosch: Sun Press, 2008).

¹¹⁰ Wilt and Wendland, 265-357.

делались как заведомо экзотические: «смотрите, как можно еще передать библейский текст на нашем языке», и обсуждение этих переводов проходило в совершенно иных плоскостях, нежели общая теория перевода¹¹¹.

В то же время для значительного числа консервативных верующих была характерна другая позиция. Новые переводы казались им тем более дерзкими, чем дальше они отступали от следования букве оригинала, чем больше отличались от уже существовавших национальных переводов (в случае с русским языком это был, разумеется, СП). Их позицию можно описать совсем другими словами: «так, и только так должна звучать Библия на нашем языке».

Более того, этот подход характерен не только для христиан. Существуют исследования о степени желательной дословности при переводе священных текстов в иудейской среде: оказывается, чем выше был статус текста, тем дословнее он переводился на язык ладино¹¹².

Ранняя теория Найды, как мы видели, начиналась с категорического отрицания такого консерватизма, и всё дальнейшее развитие теории, в общем-то, не подразумевало диалога с консерваторами. Лишь теория скопоса, и затем теория релевантности отвели в своих построениях некоторое достойное место традиционным и дословным переводам, но о том, как и зачем делать такие переводы, они тоже говорили не очень много, сосредотачиваясь на переводах новаторских. [...]

Однако в начале XXI в. ситуация изменилась — группа евангелических протестантов США стала публиковать книги и статьи по теории библейского перевода на английский язык — это ограничение стоит отметить особо, переводы на другие языки могут иногда там упоминаться, но они никогда не рассматриваются. Их основная задача — теоретическое обоснование консервативных переводов (более конкретно, созданного по этим принципам ESV), противопоставленных «динамическим переводам» в духе раннего Найды. Прекрасно понимая, что полностью буквальный перевод выглядит неестественно, они называют его сущностно буквальным (*essentially literal*), это достаточно близко к тому, что в других системах отсчета называется «прямым переводом».

Ключевую роль здесь играла церковная и богословская позиция этих авторов. В своей программной статье Уэйн Градем отмечает, что именно такая буквальность лучше всего соответствует представлению о богодухновенности Писания, согласно которому каждое слово Библии было продиктовано непосредственно Богом¹¹³.

¹¹¹ См., напр., рассуждение о переводческом методе Бубера и Розенцвейга в Leora Batnitzky, 'Translation as Transcendence: A Glimpse into the Workshop on Buber-Rosenzweig Bible Translation', *New German Critique* 76 (1997): 87–116.

¹¹² O.R. Schwarzwald, 'Mixed Translation Patterns: The Ladino Translation of Biblical and Mishnaic Hebrew Verbs', *Target* 5, no. 1 (1993): 71–88.

¹¹³ Wayne Grudem, 'Are Only Some Words of Scripture Breathed Out by God? Why Plenary Inspiration Favors "Essentially Literal" Bible Translation', in *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*, ed. J.I. Packer (Wheaton: Crossway Books, 2005), 19–56.

Достаточно привести одну цитату из книги, написанной сторонником такой точки зрения: «Божественное откровение проникает глубже уровня слов и включает приставки, суффиксы и все мельчайшие тонкости оригинального текста Писания. Каждая точка и черточка, каждая начертанная пером буква и линия действительно являются “продуктом творческого дуновения Бога”»¹¹⁴.

Итак, переводчик, соответствующий пожеланиям Градема, «переводит значение каждого слова в языке оригинала, понимая его правильно в контексте, при помощи ближайшего английского эквивалента, и старается применять в переводе обычный английский порядок слов и стиль, доколе это не приводит к искажению смысла оригинала». По-русски такой перевод, пожалуй, лучше всего будет называть сознательно дословным: в качества основной единицы здесь намеренно избираются отдельные слова.

Например, если для греческого *σάρξ* существует традиционный английский эквивалент *flesh* или русский *плоть*, так его и следует переводить, не придумывая никаких новых изобретений вроде *человеческая природа* или *склонность ко греху*, как во многих современных переводах¹¹⁵.

Почему именно слова, а не выражения, не фразы, не целые тексты (как предлагает Вэндленд)? Потому что «всякое слово Бога чисто» (Притч 3:5) и «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4:4). Следовательно, недопустимо оставлять без перевода или переводить как-то небрежно даже самое непривычное для читателя слово.

Разумеется, этот принцип имеет свои границы. Градем отмечает, что в Флм 7 греческое слово *σπλάγχνα*, которое дословно означает ‘внутренности’, надо переводить как-то иначе (в СП, в соответствии с этими рекомендациями, мы находим *сердца* – «тобою, брат, успокоены сердца святых»). Причина отступления здесь, прежде всего, в том, что такой перевод будет просто неверно понят, и этим дословность осознанная отличается от слепой дословности подстрочника. Однако в Ин 13:21 для него уже недопустимо отказываться от слова *дух*: «Иисус возмутился духом». Некоторые современные переводы говорят просто «Он возмутился», и это не позволяет читателю заметить важные богословские детали – например, что Иисус обладал человеческим духом.

Приводит Градем и пример того, как свободный перевод оказывается просто ложным. В Иак 3:2 апостол смиренно говорит: *все мы много согрешаем* (СП), но в переводе Message он выражается куда радикальнее: *We get it wrong nearly every time we open our mouths*, ‘мы как ни откроем рот, говорим не то’. И можно ли доверять апостолу, который делает такие признания, спрашивает Градем? Но это, разумеется, не означает, что дословный перевод освобождает нас от ошибочных толкований. Градем приводит еще один пример: из современных

¹¹⁴ Dave Brunn, *One Bible, Many Versions: Are All Translations Created Equal?* (Nottingham: Inter-Varsity Press, 2013), 184.

¹¹⁵ Более взвешенный анализ перевода этого понятия в тексте Рим. см. в Douglas J. Moo, “‘Flesh’ in Romans: A Challenge for the Translator”, in *The Challenge of Bible Translation: Communicating God’s Word to the World*, ed. Glen S. Scorgie, Mark L. Strauss, and Steven M. Voth (Grand Rapids: Zondervan, 2003), 365–79.

переводов Притч 13:25 (в Мт 13:24) и других подобных мест исчезло слово *розга*. С его точки зрения, так подрывается библейское представление о том, что детей надо наказывать физически. Действительно, именно к этому месту восходит известная поговорка «Пожалеть розгу – испортить ребенка», но насколько точно она передает смысл библейского текста? Слово *שֻׁבֵּט*, которое здесь переведено как ‘розга’, может соответствовать и словам ‘посох, жезл’ (Лев 27:32), и даже ‘скипетр’ (Быт 49:10) – это символ власти, и далеко не всегда орудие наказания. С другой стороны, сын, к которому надо применять этот жезл – совершенно не обязательно маленький ребенок, это может быть и вполне взрослый юноша. Библейский текст здесь напоминает об ответственности отцов за воспитание своих детей, которая в те времена не мыслилась вне телесных наказаний – но это совсем не означает, что здесь Библия отвечает на современный вопрос «пороть ли детей?» Она говорит лишь о том, что их надо воспитывать, а как именно – это уже может пониматься по-разному в разных культурах и в разных обстоятельствах.

Иными словами, требование давать сыну розог само по себе есть некое божественное и неотменяемое установление. Некоторые переводы обходятся без этого: *If you love your children, you will correct them*, ‘если ты любишь своих детей, ты будешь поправлять их’ (СЕВ), и этот перевод действительно можно считать неудачным – но потому, что он потерял не розгу, а образность и поэтичность оригинала.

Вывод Градема однозначен: динамическим переводам просто нельзя доверять. Проповедник или ведущий библейского кружка, опираясь на эти тексты, никогда не будет знать наверняка, что говорит оригинал, а что привнесено в текст переводчиком.

Другой автор, опубликовавший статью в этом же сборнике текстов, Джон Коллинз, приводит куда более интересный пример¹¹⁶ – Притч 5:15-19. В оригинале мы видим развернутый поэтический образ: жена сравнивается с источником, который утоляет жажду. Динамические переводы просто утрачивают поэтическую образность, а с ней и связность текста – они превращают его в набор довольно банальных сентенций о семейной жизни, и в этом Коллинз видит их главный недостаток. Парадоксальным образом, сторонники дословного перевода вполне согласны тут со сторонниками литературного эквивалента, и мы еще вернемся к этой теме.

[...]

Еще один автор в этом же сборнике – Леланд Райкен, пожалуй, самый активный сторонник сознательной дословности. В его статье развенчиваются пять мифов о таком переводческом подходе¹¹⁷. Вот они, вместе с кратким изложением его опровержений:

¹¹⁶ C. John Collins, ‘What the Reader Wants and the Translator Can Give: First John as a Test Case’, in *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*, ed. J.I. Packer (Wheaton: Crossway Books, 2005), 88.

¹¹⁷ Leland Ryken, ‘Five Myths About Essentially Literal Bible Translation’, in *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*, ed. J.I. Packer (Wheaton: Crossway Books, 2005), 57–76.

- Сторонники сознательно дословного перевода якобы повинны в поклонении словам вместо Бога — но на самом деле их уважение к словам основано на глубоком почитании Бога, от Которого они к нам пришли.
- Этот подход якобы наивен, поскольку не основан на серьезных лингвистических построениях, но на самом деле их отсутствие позволяет избежать неоправданной сложности. Точно так же «наивность» переводчика заключается в правомерном отказе вносить в текст собственные комментарии. Вполне наивной может при этом считаться попытка отделить содержание текста от его формы, характерная для динамического подхода.
- Сознательно дословный перевод якобы не более, чем подстрочник. Это обвинение, конечно, нелепо — подстрочник копирует структуру оригинала, а любой перевод, все же следует нормам языка, на который переводится текст.
- Сторонники этого подхода якобы не понимают, что любой перевод подразумевает интерпретацию. Разумеется, они это признают, но они стремятся ограничиться лишь лингвистической интерпретацией, не давая переводчику становиться экзегетом.
- Подобные переводы якобы бывают непонятными, но это совершенно не так, если не считать читателя ущербным и якобы неспособным воспринимать все многообразие и неоднозначность поэтического и богословского языка Писания.

В одной из своих книг (более ранней, чем эта статья) Райкен рассматривает ложные предположения о природе перевода, лежащие в основе динамического подхода, и насчитывает пять таких предпосылок о Библии, семь о переводе и восемь — о читателях Библии¹¹⁸. Не будем далее вдаваться в эти перечни, отметим только самое главное. Райкен напоминает нам, что Библия — сложно устроенная книга из давних времен и другой культуры, в ней содержится много таинственного. Все эти ее черты не должны пропадать в переводе, который не может строиться по принципу «а как бы мы это сказали сегодня», потому что это сказали не мы и не сегодня. Невозможно перевести лишь смысл, не обращая внимания на форму, и уж совсем непозволительно думать, что этот смысл определяет современный читатель, а не древний автор. Но и о читателях не надо думать слишком плохо: они все же способны адекватно воспринимать сложные тексты, содержащие новые для них идеи, и всякое упрощенчество есть, в конечном счете, неуважение к этим самым читателям.

[...]

Кроме того, Райкен обращает наше внимание на то обстоятельство, что тексты, пересказывающие и дополняющие библейский текст, всегда существовали в христианской традиции. Он приводит в пример гимн,

¹¹⁸ Leland Ryken, *The Word of God in English: Criteria for Excellence in Bible Translation*, ed. J.I. Packer, *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation* (Wheaton: Crossway Books, 2002).

написанный Джорджем Хербертом по 22-му (в МТ 23-му) псалму примерно в те же годы, когда создавался и перевод KJV¹¹⁹. Вот как начинается библейский псалом: *The Lord is my shepherd; I shall not want. He maketh me to lie down in green pastures: he leadeth me beside the still waters*, ‘Господь мой Пастырь; я не буду нуждаться. Он кладет меня на зеленых пастбищах, он ведет меня к тихим водам’. А вот как начинается гимн Херберта:

*The God of love my Shepherd is,
And He that doth me feed;
While He is mine and I am His,
What can I want or need?*

*He leads me to the tender grass,
Where I both feed and rest;
Then to the streams that gently pass:
In both I have the best.*

‘Бог любви – вот кто мой пастырь,
Это он питает меня;
Пока Он – мой, а я – Его,
В чем буду нуждаться, чего буду лишен?
Он ведет меня к нежной траве,
Где я и пасусь, и отдыхаю;
А потом к потокам, которые тихонько протекают:
Там и там мне достается лучшее’.

Так ведь этот поэтический вольный пересказ и есть примерно то же самое, что делают сегодня сторонники динамического перевода, восклицает Райкен. Прием давно известен – просто это никакой не перевод, это пересказ, он вполне уместен и хорош. Только не надо уравнивать получившийся гимн или комментарий с текстом Священного Писания – это просто чей-то индивидуальный взгляд на него, но отнюдь не сам текст! [...]

В завершение книги он приводит основные причины, по которым можно доверять сознательно дословному переводу¹²⁰. Самое главное, что он позволяет надежно судить об оригинале («прозрачен»), сохраняет всю его глубину и точность, не примешивая к тексту комментария, и вполне согласуется с доктриной буквального откровения.

Критика Райкена и его соратников не замедлила последовать¹²¹. Они горячо спорят с тем, что давно вышло из употребления – с ранней теорией динамического эквивалента в ее чистом и беспримесном виде. И нет ничего удивительного в том, что тут в расчет не принимаются более поздние теории – они сильно усложнят картину, придется вводить много нюансов и уточнений, размоется кристальная черно-белая правота.

¹¹⁹ Leland Ryken, *Understanding English Bible Translations* (Wheaton: Crossway Books, 2009), 105.

¹²⁰ Ryken, 189–194.

¹²¹ См., напр., Simon Crisp, ‘Does a Literary Translation Have To Be Literal?’, in *Text, Theology and Translation: Essays in Honour of Jan de Waard*, ed. Simon Crisp and Manuel Jinbanchian (Swindon: UBS, 2004), 43–51.

Впрочем, было бы неверно считать, что в основе этого подхода не лежит сколь-нибудь внятно проговоренная теория коммуникации, как в основе других моделей, начиная с того же самого динамического эквивалента. Сознательная дословность построена на буквальном откровении: Бог диктует библейским авторам Свои слова, причем диктует именно лексические единицы, и переводчик должен передать каждую из этих единиц при помощи ближайшего естественного эквивалента. После того, как это сделано, он должен выстроить их в порядке, естественном для языка перевода.

Диктовал ли Бог каждое слово Библии, как полагают фундаменталисты, или откровение можно понимать как-нибудь иначе — вопрос веры, а не знания, поэтому рассуждать о нем сейчас было бы неуместно. Сторонники такого подхода вряд ли об этом задумываются, но логика «вера в буквальное откровение требует дословного перевода» всегда может быть перевернута: «дословный перевод требует веры в буквальное откровение» — а это уже будет означать, что для тех, кто не разделяет этой веры, подобный подход будет абсолютно неприемлем.

Да и в остальных отношениях эта модель неадекватна. Нигде в Библии выражение *Слово Божие* не относится к некоей конкретной лексической единице, и даже не всегда это выражение вообще относится к тексту: в Быт 41:32 так называются сны фараона, а в Суд 3:20 — удар мечом, который Аод наносит враждебному царю. Но и там, где речь идет о некотором тексте (напр., 3 Цар 12:22 или Мк 7:13), это именно связный и осмысленный текст, а не составляющие его лексемы.

К тому же американские сторонники этого подхода принципиально отказываются ставить свой опыт в какой-то общемировой контекст, они говорят лишь о том, что подходит или не подходит лично им, не особенно задумываясь о том, как будет выглядеть их модель при переводе на другие языки. Но ведь на английском уже существует множество самых разных переводов, в частности, ESV создавался при активном участии того же Райкена, и он им вполне доволен — следовательно, речь вообще не идет о том, «как переводить». Нет, здесь вопрос ставится иначе: «почему именно такой перевод нам подходит», а это уже мало кому интересно за пределами специфической аудитории, евангелических протестантов США.

Предложения Райкена от имени консерваторов оспаривает и С. Крисп¹²²: если мы хотим передать всё своеобразие оригинала, дословный перевод — далеко не единственный возможный выход. Литературные особенности и стилистические приемы могут быть переданы с помощью выразительных средств языка перевода, а не только с помощью неуклюжих калек.

Однако всё это не означает, что сознательную дословность можно списать со счетов и не обращать на нее больше никакого внимания. Этот подход характерен для консервативной аудитории любых убеждений: традиционные религиозные тексты должны переводиться как можно дословнее, чтобы толкования переводчика не подменяли пусть даже не вполне прозрачный

¹²² Crisp, Simon, 2004.

текст оригинала. Как уже было отмечено выше, теория скопоса и теория релевантности вполне допускают и такой подход, хотя он интересует их меньше, чем другие, более «динамичные», в терминологии Райкена. Так что о желательности и даже необходимости подобных переводов можно всё чаще услышать и от исследователей, вошедших в материал (и далеко не только английский) намного глубже Райкена¹²³.

Поэтому сознательная дословность — не столько готовая теория, сколько общая и довольно расплывчатая идея. Что предлагает динамический эквивалент Найды, а что, к примеру, литературный эквивалент Вэндленда, в общем и целом понятно — их подходы могут быть адаптированы к самым разным языкам и культурам, да они для того и создавались, чтобы их использовать по всему земному шару, они выросли из опыта работы с самыми разными языками. Но какой может быть сознательная дословность в чукотском, башкирском или бежтинском переводе, или даже в русском? Своя консервативная аудитория у таких переводов, несомненно, будет, просто она будет сильно отличаться от американской, как и языки этих народов сильно отличаются от английского.

Взять хотя бы лингвистический аспект: возможен ли в принципе перевод отдельных лексем на инкорпорирующий язык (чукотский)? Желательно ли сохранение традиционной богословской терминологии в языке исламской традиции (башкирский)? Как вообще следует поступать, если библейская книга — самая первая в истории публикация на этом языке (бежтинский¹²⁴)? От тех же бежтинцев трудно ожидать, что им будет настолько же понятны литературные условности, как и русским либо английским читателям, знакомым с классической литературой на этих языках — а на бежтинском ее просто еще не существует.

Само появление достаточно наивных книг о сознательно дословном переводе свидетельствует, что в этой области пока нет сколь-нибудь серьезных теоретических и методологических наработок, хотя спрос на подобные переводы существует. В особенности плодотворным может оказаться учет таких консервативных настроений при разработке, казалось бы, самой радикальной теории литературного эквивалента по Вэндленду. Между ними много различий, но их объединяет стремление видеть в библейском тексте именно текст, в единстве формы и содержания, которые не могут быть отделены друг от друга. И в этой точке встречи может родиться описание взвешенного переводческого подхода, при котором передаются не лексические единицы, а тексты, но передаются без радикального переструктурирования, с соблюдением должной культурно-исторической дистанции — подхода, который, на самом деле, и был характерен для лучших литературных переводчиков в России XX в.

¹²³ Пример подобного подхода — недавняя диссертация Andy Cheung, ‘Functionalism and Foreignisation: Applying Skopos Theory to Bible Translation’ (University of Birmingham, 2011).

¹²⁴ Об истории его создания см. М.Ш. Халилов, ‘Из Опыта Перевода Евангелия От Луки На Бесписьменный Бежтинский Язык’, in *Перевод Библии в Литературах Народов России, Стран СНГ и Балтии. Материалы Конференции*, ed. Марианна и др. Беерле-Моор (Москва: ИПБ, 2003), 445–56.

Близок к этому подходу и другой, который заключается в *сознательной архаизации* текста, т.е. намеренном использовании устаревших слов, выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций с целью придать тексту большую торжественность и так увеличить дистанцию между ним и текстами, относящимися к повседневной жизни. Мне не известны примеры того, как эта стратегия обсуждается в теоретических работах по библейскому переводу, но есть статья Адрианы Шербан¹²⁵, посвященная английским переводам литургии Иоанна Златоуста.

Она отмечает, что в этих переводах, созданных в XX в., зачастую используется язык той самой KJV, который объявляется самым возвышенным и потому пригодным для литургии вариантом английского языка. Такой подход она называет своего рода «колонизацией прошлого». Что традиционалисты предпочитают архаизмы ради их торжественности, отмечал еще Найда¹²⁶, но для него это был скорее некий экзотический факт. Однако Шербан отмечает, что в рамках теории скопоса употребление такого архаичного языка вполне оправдано запросами аудитории и способом использования данного текста.

Текст Писания может восприниматься как сложная система символов, при этом неоднозначность и многоплановость становятся достоинством, а возвышение над общеупотребительным языком — одним из важнейших средств достигнуть этого эффекта.

[...]

Библиография

- Bascom, Robert. 'The Role of Culture in Translation'. In *Bible Translation: Frames of Reference*, edited by Timothy Wilt, 81–111. Manchester: St. Jerome, 2003.
- Batnitzky, Leora. 'Translation as Transcendence: A Glimpse into the Workshop on Buber-Rosenzweig Bible Translation'. *New German Critique* 76 (1997): 87–116.
- Blois, Kees de. 'Functional Equivalence in the Nineties: Tendencies in the Application of Functional Equivalence Principles in Different Parts of the World'. In *Current Trends in Scripture Translation. UBS Bulletin 170/171*, edited by Basil Rebera, 24–36. Reading: UBS, 1994.
- Boer, Roland. 'The Dynamic Equivalence Caper'. In *Ideology, Culture and Translation*, edited by Scott S. Elliott and Roland Boer, 13–23. Atlanta: SBL, 2012.
- Brock, Sebastian. 'Aspects of the Translation Technique in Antiquity'. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 20 (1979): 69–87.
- Brunn, Dave. *One Bible, Many Versions: Are All Translations Created Equal?* Nottingham: Inter-Varsity Press, 2013.
- Carson, D.A. 'The Limits of Dynamic Equivalence in Bible Translation'. *Evangelical Review of Theology* 9 (1985): 200–213.
- . 'The Limits of Functional Equivalence in Bible Translation — and Other Limits, Too'. In *The Challenge of Bible Translation: Communicating God's Word to the World*, edited by Glen S. Scorgie, Mark L. Strauss, and Steven M. Voth, 65–114. Grand Rapids: Zondervan, 2003.
- Chesterman, A. *Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1997.

¹²⁵ Adriana Şerban, 'Archaising versus Modernising in English Translations of the Orthodox Liturgy: St John Chrysostomos in the 20th Century', in *Translation and Religion: Holy Untranslatable?*, ed. Lynne Long (Clevedon — Buffalo — Toronto: Multilingual Matters, 2005), 75–88.

¹²⁶ Nida, *Toward a Science of Translating*, 179.

- Cheung, Andy. 'Functionalism and Foreignisation: Applying Skopos Theory to Bible Translation'. University of Birmingham, 2011.
- Collins, C. John. 'What the Reader Wants and the Translator Can Give: First John as a Test Case'. In *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*, edited by J.I. Packer, 77–111. Wheaton: Crossway Books, 2005.
- Crisp, Simon. 'Does a Literary Translation Have To Be Literal?' In *Text, Theology and Translation: Essays in Honour of Jan de Waard*, edited by Simon Crisp and Manuel Jinbachian, 43–51. Swindon: UBS, 2004.
- Grudem, Wayne. 'Are Only Some Words of Scripture Breathed Out by God? Why Plenary Inspiration Favors "Essentially Literal" Bible Translation'. In *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*, edited by J.I. Packer, 19–56. Wheaton: Crossway Books, 2005.
- Guldin, Rainer. 'Metaphor as a Metaphor for Translation'. In *Thinking through Translation with Metaphors*, edited by James St. André, 160–91. Manchester & Kinderhook: St. Jerome, 2010.
- Gutt, Ernst-August. *Relevance Theory: A Guide to Successful Communication in Translation*. Dallas: SIL, 1992.
- . *Translation and Relevance: Cognition and Context*. Manchester & Boston: St. Jerome, 2000.
- Hatim, Basil, and Ian Mason. *Discourse and the Translator*. London: Longman, 1990.
- . *The Translator as Communicator*. London: Routledge, 1997.
- Hill, Harriet, Ernst-August Gutt, Margaret Hill, Christoph Unger, and Rick Floyd. *Bible Translation Basics: Communicating Scripture in a Relevant Way*. Dallas: SIL, 2011.
- House, Juliane. *A Model for Translation Quality Assessment*. Tübingen: Narr, 1977.
- Hoyle, Richard A. *Scenarios, Discourse and Translation. The Scenario Theory of Cognitive Linguistics, Its Relevance for Analysing New Testament Greek and Modern Parkari Texts, and Its Implications for Translation Theory*. SIL e-books, 2008.
- Jakobson, Roman. 'Linguistics and Poetics'. In *Style in Language*, edited by T. Sebeok, 350–77. Cambridge, MA: Harvard University, 1960.
- Jindo, Job Y. 'Toward a Poetics of Biblical Mind: Language, Culture and Cognition'. *Vetus Testamentum* 59 (2009): 222–43.
- Jobes, Karen H. 'Relevance Theory and the Translation of Scripture'. *Journal of Evangelical Theological Society* 50/4 (2007): 773–97.
- Jordaan, G.J.C. 'Problems in the Theoretical Foundation of the Functional-Equivalent Approach'. In *Contemporary Translation Studies and Bible Translation: A South African Perspective*, edited by J.A. Naudé and C.H.J. van der Merwe, 19–27. Bloemfontein: University of the Free State, 2002.
- Katan, David. *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St. Jerome, 1999.
- Lakoff, George. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: Chicago University Press, 1987.
- Matthews, Thomas G. 'Toward a Prototypical Model of Culture for Bible Translation'. *Journal of Translation* 5, no. 1 (2009): 1–61.
- McElhanon, Kenneth A. 'From Word to Scenario: The Influence of Linguistic Theories upon Models of Translation'. *Journal of Translation* 1, no. 3 (2005): 29–67.
- Merwe, Christo H.J. van der. 'Translating Metaphors into Afrikaans in a Source Language-Oriented Translation of the Hebrew Bible'. *Stellenbosch Papers in Linguistics PLUS* 33 (2006): 43–68.
- Meshonnic, Henri. *Pour La Poétique. II Epistémologie de l'écriture. Poétique de La Traduction*. Paris: Gallimard, 1973.
- Mojola, Aloo Osotsi, and Ernst R. Wendland. 'Scripture Translation in the Era of Translation Studies'. In *Bible Translation: Frames of Reference*, edited by Timothy Wilt, 1–25. Manchester: St. Jerome, 2003.
- Monti, Enrico. 'Metaphors for Metaphor Translation'. In *Thinking through Translation with Metaphors*, edited by James St. André, 192–210. Manchester & Kinderhook: St. Jerome, 2010.

- Moo, Douglas J. “‘Flesh’ in Romans: A Challenge for the Translator”. In *The Challenge of Bible Translation: Communicating God’s Word to the World*, edited by Glen S. Scorgie, Mark L. Strauss, and Steven M. Voth, 365–79. Grand Rapids: Zondervan, 2003.
- Nida, Eugene. ‘A Contextual Approach to Biblical Interpretation’. In *The Bible through Metaphor and Translation: A Cognitive Semantic Perspective*, edited by Kurt Feyaerts, 289–98. Oxford etc.: Peter Lang, 2003.
- . ‘A Framework for the Analysis and the Evaluation of Theories of Translation’. In *Translation: Application and Research*, edited by Richard E. Brislin, 47–91. New York: Gardner Press, 1976.
- . *Contexts in Translating*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 2001.
- . *Customs and Cultures: Anthropology for Christian Missions*. New York: Harper, 1954.
- . *Language Structure and Translation: Essays*. Stanford: Stanford University Press, 1975.
- . *Toward a Science of Translating*. Leiden: Brill, 1964.
- Nida, Eugene, and Charles R. Taber. *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: Brill, 1969.
- Nord, Christiane. ‘Function and Loyalty in Bible Translation’. In *Apropos of Ideology: Translation Studies on Ideology – Ideologies in Translation Studies*, edited by María Calzada Pérez, 89–112. Manchester & Northampton: St. Jerome, 2003.
- . ‘Translating for Communicative Purposes across Culture Boundaries’. *Journal of Translation Studies* 9 (1) (2006): 43–60.
- . *Translation as a Purposeful Activity*. Manchester: St. Jerome, 1997.
- Noss, Philip A., ed. *A History of Bible Translation*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007.
- Pattemore, Stephen. ‘Framing Nida: The Relevance of Translation Theory in The United Bible Societies’. In *A History of Bible Translation*, edited by Philipp A. Noss, 217–63. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007.
- Prickett, Stephen. *Words and the Word: Language, Poetics and Biblical Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Pym, Anthony. *Exploring Translation Theories*. London: Routledge, 2010.
- . ‘Limits and Frustrations of Discourse Analysis in Translation Theory’. *Revista de Filología de La Universidad de La Laguna* 11 (1992): 227–39.
- Reiß, Katharina, and Hans. J. Vermeer. *Grundlegung Einer Allgemeinen Übersetzungstheorie*. Tübingen: Niemeyer, 1984.
- Ross, Ronald L. ‘Advances in Linguistic Theory and Their Relevance to Translation’. In *Bible Translation: Frames of Reference*, edited by Timothy Wilt, 113–51. Manchester: St. Jerome, 2003.
- Ryken, Leland. ‘Five Myths About Essentially Literal Bible Translation’. In *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*, edited by J.I. Packer, 57–76. Wheaton: Crossway Books, 2005.
- . *The Word of God in English: Criteria for Excellence in Bible Translation*. Edited by J.I. Packer. *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation*. Wheaton: Crossway Books, 2002.
- . *Understanding English Bible Translations*. Wheaton: Crossway Books, 2009.
- Schleiermacher, Friedrich. ‘Ueber Die Verschiedenen Methoden Des Uebersetzens’. In *Friedrich Schleiermacher’s Sämmtliche Werke. 3. Abtheilung: Zur Philosophie. Bd. 2.*, 207–45. Berlin, 1838.
- Schwarzwald, O.R. ‘Mixed Translation Patterns: The Ladino Translation of Biblical and Mishnaic Hebrew Verbs’. *Target* 5, no. 1 (1993): 71–88.
- Şerban, Adriana. ‘Archaising versus Modernising in English Translations of the Orthodox Liturgy: St John Chrysostomos in the 20th Century’. In *Translation and Religion: Holy Untranslatable?*, edited by Lynne Long, 75–88. Clevedon – Buffalo – Toronto: Multilingual Matters, 2005.
- Smith, Kevin Gary. ‘Direct Translation: Striving for Complete Resemblance’. *Conspectus* 1 (2006): 27–43.
- Sperber, Dan, and Deirdre Wilson. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Statham, N. ‘Dynamic Equivalence and Functional Equivalence: How Do They Differ?’ *The Bible Translator* 54 (2003): 102–11.

- . ‘Nida and “Functional Equivalence”: The Evolution of Concept, Some Problems, and Some Possible Ways Forward’. *The Bible Translator* 56 (2005): 29–43.
- Stine, Philip C. *Let the Words Be Written: The Lasting Influence of Eugene A. Nida*. Atlanta: SBL, 2004.
- Toury, Gideon. *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: Porter Institute, 1980.
- Venuti, Lawrence. *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. London, New York: Routledge, 1998.
- . *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London: Routledge, 1995.
- Vries, Lourens de. ‘Bible Translations: Forms and Functions’. *The Bible Translator* 52, no. 3 (2001): 306–19.
- . ‘Biblical Scholars, Translators and Bible Translations’. *Scripture and Interpretation* 2, no. 2 (2008): 141–59.
- Wendland, Ernst R., ed. *Contextual Frames of Reference in Bible Translation: A Coursebook for Bible Translators and Teachers*. Manchester: St. Jerome, 2008.
- . ‘Relevance of “Relevance Theory”’. *The Bible Translator* 47 (1996): 126–37.
- Wilt, Timothy, ed. *Bible Translation: Frames of Reference*. Manchester: St. Jerome, 2003.
- Wilt, Timothy, and Ernst R. Wendland, eds. *Scripture Frames and Framing: A Workbook for Bible Translators*. Stellenbosch: Sun Press, 2008.
- Арутюнова, Н.Д., ed. *Теория Метафоры*. Москва: Прогресс, 1990.
- Барнуэлл, Кэтрин. *Перевод Библии: Введение в Принципы Перевода*. Билефельд: SIL, 1990.
- Бикман, Джон, and Джон Келлоу. *Не Искажая Слова Божия: Принципы Перевода и Семантического Анализа Библии*. С.-Петербург: Ноах, 1994.
- Вежицкая, Анна. *Сопоставление Культур Через Посредство Лексики и Прагматики*. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Гарбовский, Николай Константинович. *Теория Перевода*. Москва: МГУ, 2004.
- де Ваард, Ян, and Юджин А. Найда. *На Новых Языках Заговoryт. Функциональная Эквивалентность в Библейских Переводах*. Санкт-Петербург: РБО, 1998.
- Лакофф, Джордж. *Женщины, Огонь и Опасные Вещи*. Москва: Гнозис, 2011.
- . *Женщины, Огонь и Опасные Вещи: Что Категории Языка Говорят Нам о Мышлении*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Лакофф, Джордж, and Марк Джонсон. *Метафоры, Которыми Мы Живем*. Москва: ЛКИ, 2008.
- Ларсон, Милдред Л. *Смысловой Перевод: Руководство По Теории Межъя Зыковой Эквивалентности и Ее Практическому Применению*. С.-Петербург: Северо западная библейская комиссия, 1993.
- Левый, Иржи. *Искусство Перевода*. Москва: Прогресс, 1974.
- Нелюбин, Л.Л., and Г.Т. Хухуни. *Наука о Переводe: История и Теория с Древнейших Времен До наших Дней*. Москва: Флинта, 2006.
- Самков, свящ. Михаил. ‘Теория Скопоса’. *Скрижали* 2 (2011): 139–51.
- Скрещцова, Татьяна Георгиевна. *Когнитивная Лингвистика: Курс Лекций*. С.-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
- Халилов, М.Ш. ‘Из Опыта Перевода Евангелия От Луки На Бесписьменный Бежтинский Язык’. In *Перевод Библии в Литературах Народов России, Стран СНГ и Балтии. Материалы Конференции*, edited by Марианна and др. Беерле-Моор, 445–56. Москва: ИПБ, 2003.
- Якобсон, Роман Осипович. ‘Лингвистика и Поэтика’. In *Структурализм: «за» и «против»*, edited by М.Я. Полякова, 193–230. Москва: Прогресс, 1975.